В9(Р)64
К61

ДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 69.

Двѣнадцатый годъ— ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛА

В. Колокольникова.

Изданіе И. Глазунова.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1912.

Проверено 31 АВГ 2004

А.И.М. РККА.
Нов. инв. № 3431

ПРОВЕРЕНО
1951
1930 г.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
И. ГЛАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Казанскаго моста, № 27.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ, съ портретомъ автора и факсимиле. Изд. 5-е. Спб. 1911. Ц. 10 р.

— Записки охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ (1847—1876). 14 изд. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ для дѣтей. Подъ редакціей Нестора Котляревскаго; съ двумя портретами Тургенева, изъ различныхъ эпохъ, и портретъ его же на охотѣ, съ ружьемъ. Спб. 1908. Ц. 90 к.

— Рудинъ. Романъ въ 12 главахъ съ эпилогомъ. Полный текстъ романа. Спб. 1908. Ц. 50 к.

— Пѣвцы, разсказъ. Изд. 8. Спб. 1912. Ц. 10 к.

— Однодворецъ Овсяниковъ, разсказъ. Изд. 6. Спб. 1908. Ц. 10 к.

— Хорь и Калинычъ, разсказъ. Изд. 8. Спб. 1911. Ц. 7 к.

— Малиновая вода, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1909. Ц. 6 к.

— Льговъ, разсказъ. Изд. 6. Спб. 1909. Ц. 8 к.

— Бѣжинъ лугъ, разсказъ. Изд. 11. Спб. 1912. Ц. 10 к.

— Касьянъ съ Красивой мечи, разсказъ. Изд. 7. Спб. 1912. Ц. 10 к.

— Бирюкъ, разсказъ. Изд. 8. Спб. 1912. Ц. 8 к.

— Лебедянь, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1906. Ц. 8 к.

— Живыя мощи, разсказъ. Изд. 8. Спб. 1912. Ц. 10 к.

— Стучитъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1908. Ц. 10 к.

— Лѣсъ и степь, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1908 Ц. 8 к.

— Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. Рѣчь. Изд. 4. Спб. 1908. Ц. 7 к.

— Пегасъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1908. Ц. 8 к.

— Пожаръ на морѣ, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1909. Ц. 8 к.

— Муму, повѣсть. Изд. 11. Спб. 1912. Ц. 10 к.

[illegible] Изд. 3. Спб. 1905. Ц. 8 к.

[illegible] 1908. Ц. 8 к.

[illegible]б. 1907. Ц. 10 к.

[illegible]сказъ. Изд. 3. Спб. 1908. Ц. 10 к.

[illegible]пб. 1909. Ц. 5 к.

[illegible]. 4. Спб. 1907. Ц. 15 к.

[illegible]у открытія памятника въ Москвѣ

[illegible]. 6 к.

[illegible]цена. Спб. 1909. Ц. 10 к.

[illegible]. 1911. Ц. 25 к.

[illegible]Ц. 30 к.

[illegible] к.

[illegible]Спб. 1911. Ц. 30 к.

[illegible]иненій съ портретомъ автора. 9 т.

[illegible]ствія, со включеніемъ дополнитель-

[illegible]ртретомъ автора, гравированнымъ

[illegible]-е исправл. изд. Спб. 1895. Ц. 4 р.

[illegible]ретомъ его, двумя снимками съ

[illegible] Изд. 7-е, вновь исправленное подъ

[illegible]1889. Ц. 3 р.

В3(Р)64
К61

ДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 69.

Двѣнадцатый годъ— ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛА

В. Колокольникова.

Изданіе И. Глазунова.

Цѣна 20 коп.

5 тбл. прил.

1984г.
1972

БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ С 8.141
№ 13134 ИНВЕНТ.
ПРОВЕРЕНО
А.И.М. РККА.
Нов. инв. № 3431

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1912.

БИБЛИОТЕКА
Ленинградского Ботанического Музея
ОТДЕЛ .....
№ .....
№ 13134 / 1 ИНВЕНТ.

Императоръ Александръ I.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

1812 годъ—ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

ВВЕДЕНІЕ.

(Событія съ 1805 по 1812 годъ).

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ 11 марта 1801 г. Онъ принялъ твердое рѣшеніе посвятить свое царствованіе важной внутренней дѣятельности; но событія, происходившія въ Западной Европѣ, невольно привлекали вниманіе Императора и тревожили его.

Французскій первый консулъ и талантливый полководецъ, Наполеонъ Бонапартъ, провозгласилъ себя императоромъ французовъ; но чтобы утвердить свою династію на престолѣ, ему надо было очаровать Францію новыми блестящими побѣдами, новыми завоеваніями. Италія, Португалія, Голландія и отдѣльныя германскія герцогства выражали уже полную покорность владыкѣ полъ-міра.

Тогда человѣколюбивый русскій Императоръ задумалъ смирить неукротимаго завоевателя, избавить Европу отъ кровопролитія.

Россія, Австрія и Англія составили союзъ противъ Наполеона, но къ этому союзу не примкнула Пруссія. Наши войска подъ предводительствомъ Кутузова соединились съ австрійцами и дали сраженіе Наполеону при деревнѣ Аустерлицѣ.

*

Бой длился долго и ожесточенно; союзники со всѣхъ сторонъ оказались окруженными непріятелемъ; Наполеонъ разбилъ и плѣнилъ австрійскую армію, взялъ Вѣну, а Кутузовъ успѣлъ увернуться отъ неравнаго боя и отвелъ искусными маршами свои войска назадъ.

Аустерлицкая побѣда была гордостью Наполеона, избалованнаго военнымъ счастьемъ: она давала ему обладаніе почти надъ всей Западной Европой. Австрійцы заключили съ Наполеономъ миръ въ 1805 году; русскій же Императоръ со своей арміей вернулся въ Россію.

На слѣдующій годъ Пруссія объявила войну Наполеону въ союзѣ съ Россіей и Англіей. Наполеонъ не далъ соединиться союзникамъ, напалъ на прусскія войска, разбилъ ихъ при Іенѣ и Ауерштетѣ. Въ нѣсколько недѣль вся страна со всѣми крѣпостями и городами была завоевана, и Наполеонъ торжественно въѣзжалъ въ Берлинъ. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III бѣжалъ со всѣмъ своимъ семействомъ подъ защиту русскаго царя.

Въ это время подошли наши войска подъ начальствомъ Бенигсена. Произошелъ цѣлый рядъ кровавыхъ битвъ. Особенно упорно было сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ русскія войска изумили Наполеона своею стойкостью и отчаянною храбростью: такого противника еще не встрѣчалъ Наполеонъ, и въ первый разъ у непобѣдимаго полководца послѣ столькихъ сраженій не оказалось никакихъ трофеевъ.

Наполеонъ, подъ прикрытіемъ гвардіи, стоялъ на холмѣ и глядѣлъ на русскую конницу, врѣзавшуюся въ центръ французовъ. Русскія гнали непріятеля, неслись неудержимо впередъ. Еще минута, и холмъ будетъ въ рукахъ русскихъ. Наполеонъ, глядя на бѣшеную атаку врага, смущенно повторялъ: „какая дерзость, какая дерзость!“ Но неожиданно появился Мюратъ,

Даву, грозившій отрѣзать нашъ лѣвый флангъ, и русскіе отступили, дорого искупая своею кровью каждый шагъ.

Война продолжалась до тѣхъ поръ, пока Наполеону не удалось нанести рѣшительное пораженіе русскимъ при Фридландѣ. Этотъ бой былъ особенно жестокъ. Бенигсенъ собралъ свои войска и перешелъ Нѣманъ при Тильзитѣ; тогда же онъ писалъ цесаревичу Константину Павловичу: „Это ужъ не война, а просто напросто рѣзня. Докладывайте Императору, что угодно, но надо остановить безцѣльное кровопролитіе“. Наполеонъ стремился заключить миръ съ Россіей, безъ участія Пруссіи; а русскій царь видѣлъ ясно, что проливается русская кровь, истощаются русскія средства только ради прусскаго короля, который являлся теперь королемъ безъ королевства, и скитался вмѣстѣ со своимъ единственнымъ министромъ съ мѣста на мѣсто, въ то время какъ королевская семья жила въ пограничномъ съ Россіей городкѣ Меммелѣ, жила въ тревогѣ и страхѣ за завтрашній день.

Императоръ Александръ согласился на предложенный Наполеономъ миръ. Утромъ 25 Іюня 1807 г., русскій Императоръ и Наполеонъ встрѣтились на рѣкѣ Нѣманѣ, близъ Тильзита, въ павильонѣ, устроенномъ на плотахъ. Здѣсь оба государя вступили въ мирные переговоры. Наполеонъ хотѣлъ совершенно уничтожить прусское королевство, но нашъ государь отстоялъ своего бывшаго союзника, хотя Пруссія дорого поплатилась: она уступила Наполеону почти половину своихъ земель; изъ нихъ Наполеонъ образовалъ Вестфальское королевство и отдалъ его своему младшему брату; изъ польскихъ земель, отнятыхъ у Пруссіи, образовано было Варшавское герцогство. Императоръ россійскій и прусскій король признали по Тильзитскому миру Наполеона императоромъ

Франціи, королемъ Италіи, а братьевъ его королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ. Такимъ образомъ Тильзитскимъ миромъ было утверждено господство Наполеона надъ большею частью Западной Европы. Оставался у Франціи еще одинъ врагъ, не побѣжденный и не желавшій мира—это Англія. Императоръ Александръ выступилъ посредникомъ между Наполеономъ и Англіей, но посредничество успѣха не имѣло. Наполеонъ былъ безсиленъ въ отношеніи этого врага: Англія расположена на островахъ; Англія владѣетъ огромнымъ флотомъ, и Наполеону, кромѣ того, слишкомъ памятно морское пораженіе, понесенное имъ у береговъ Испаніи, при мысѣ Трафальгарѣ въ 1806 году. Ему однако нужно, во что бы то ни стало, ослабить Англію, навредить своему исконному врагу. Наполеонъ придумываетъ континентальную систему. Онъ запираетъ всѣ европейскія гавани для англійскихъ кораблей; онъ хочетъ подорвать торговлю, отъ которой зависитъ могущество и сила Англіи. Русскій Императоръ, какъ союзникъ Наполеона, принимаетъ участіе въ континентальной системѣ.

Въ слѣдующемъ 1808 году Тильзитскій миръ былъ закрѣпленъ новымъ свиданіемъ русскаго Императора съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ; но это свиданіе было скорѣе показнымъ, чѣмъ искреннимъ. Постепенно начались взаимныя недоразумѣнія, возникло неудовольствіе. Первымъ поводомъ къ охлажденію послужилъ уклончивый, равносильный отказу отвѣтъ на сватовство Наполеона къ одной изъ сестеръ Императора Александра. Явились и другія причины, политическія, вызвавшія негодованіе русскаго царя. Наполеонъ подавалъ надежды полякамъ на возстановленіе Польши; онъ присоединилъ къ Франціи все прибрежье Нѣмецкаго моря до Эльбы, и въ числѣ

государей, лишившихся своихъ владѣній, находился герцогъ Ольденбургскій, родственникъ нашего государя.

Континентальная система давала себя чувствовать: она ложилась тяжелымъ бременемъ на русскую торговлю; сбытъ хлѣба, сала, пріостановился; колоніальные и мануфактурные товары покупались дорогою цѣною, на звонкую монету; нашъ рубль ассигнаціоный упалъ до 25 к.; народъ роптalъ.

Наполеонъ же домогался еще, чтобъ Россія не впускала въ свои гавани суда нейтральныхъ государствъ, утверждая, что на этихъ судахъ провозятся въ Россію англійскіе товары; но домогательства Наполеона не имѣли успѣха. Тогда онъ предпринялъ рядъ мелочныхъ мѣръ, стѣсняющихъ русскую торговлю.

Негодованіе противъ Наполеона все болѣе и болѣе разрасталось. Не было у него друзей въ Россіи: русскій царь очень недоброжелательно относился къ требовательности, заносчивости, высокомѣрію своего союзника; при дворѣ и въ высшихъ кругахъ общества на него смотрѣли враждебно, называли исчадіемъ ада, апокалипсическимъ звѣремъ, число котораго 666, что означаетъ антихристъ; простой людъ ненавидѣлъ Наполеона и тоже считалъ его антихристомъ, который собирается со своею нечистою ратью на русскую землю. Все утверждало народъ въ его суевѣрныхъ ожиданіяхъ: повсюду горѣли города; во многихъ мѣстахъ появился голодъ; но страшнѣе всего была комета: она грозно сіяла на ночномъ небѣ, а народъ крестился, вздыхалъ, охалъ и говорилъ сокрушенно: „помететъ она русскую землю!“ Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира, какъ обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Русскіе укрѣпляли Ригу, строили новую крѣпость въ Бобруйскѣ, стягивали войска къ западной границѣ. Наполеонъ сосредоточилъ

войска въ Пруссіи; принудилъ Австрію и Пруссію къ выгодному для себя союзу. Наполеонъ достигъ въ то время величайшаго могущества и самовластно распоряжался въ Западной Европѣ. Онъ не могъ выносить независимости Россіи, такъ какъ одинъ только русскій государь отстаивалъ достоинство своей власти, оберегалъ интересы своего народа на континентѣ Европы.

Въ 1810 году Наполеонъ публично произнесъ слѣдующія слова: „черезъ пять лѣтъ я буду владыкою міра: остается одна только Россія, но я раздавлю ее“. Наполеонъ мечталъ о всемірной монархіи и не разъ называлъ себя „*императоромъ материка Европы*“. Онъ разсчитывалъ покорить Россію, черезъ нее приблизиться къ Индіи и оттуда угрожать Англіи, этой неуязвимой соперницѣ, пріютившейся на островахъ.

Не смотря на вызывающее поведеніе Наполеона, Императоръ Александръ прямо заявилъ, что онъ не хочетъ начинать войну; но въ случаѣ нападенія Наполеона, будетъ отражать его на своей землѣ и защищаться до послѣдней крайности. За нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны, Наполеонъ сказалъ: „война разыграется вопреки мнѣ, вопреки Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи“. Дѣйствительно, война назрѣвала, стихійно разрасталась, и наконецъ разразилась.

Наполеонъ.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

Нашествіе двадесяти языкъ.

Въ началѣ 1812 года французскія войска стояли у нашей западной границы, въ Пруссіи и герцогствѣ Варшавскомъ. Великая армія Наполеона состояла изъ 608 тысячъ человѣкъ и заключала въ себѣ болѣе чѣмъ на половину иностранныя войска, поставленныя покорными государями Европы: французскія, ломбардскія, иллирійскія, тосканскія, неаполитанскія, голландскія, австрійскія, прусскія, баварскія, виртембергскія, вестфальскія, баденскія, гессенъ-дармштадтскія, бергскія, мекленбургскія, испанскія, португальскія, польскія войска; всѣ они были хорошо обмундированы и прекрасно вооружены. 6 тысячъ повозокъ везли продовольствіе, мосты для перехода черезъ рѣки, канаты, якоря. Все было удивительно обдумано, предусмотрѣно. Ни одинъ завоеватель не располагалъ такими средствами, какъ Наполеонъ: ему были открыты всѣ арсеналы, порты и казначейства Европы.

Предпринимая походъ въ Россію, Наполеонъ взвѣсилъ всѣ обстоятельства: онъ зналъ число нашихъ армій; принялъ въ соображеніе огромныя разстоянія, трудность прокормить людей и лошадей; зналъ, что въ эту кампанію онъ будетъ терять ежедневно больше людей, чѣмъ въ другіе походы; онъ много разъ пересчитывалъ, провѣрялъ цыфры—все выходило вѣрно. „Съ такими средствами мы пожремъ всякія препятствія“, говорилъ Наполеонъ. Онъ вѣрилъ въ себя; въ него вѣрили маршалы и войска. Смѣлость, энергія, ясность взгляда, быстрота

рѣшеній, необычайная предусмотрительность—вотъ качества Наполеона, и ими онъ превосходилъ такихъ побѣдителей, какъ Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Наполеонъ составилъ опредѣленную программу дѣйствій: въ первый годъ—зимовка въ Смоленскѣ и возстановленіе Польши; во второй—Москва; на третій—занятіе Петербурга. Наполеонъ былъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ.

Въ половинѣ мая Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ, и сюда, по его приглашенію, явились императоръ австрійскій, король прусскій и другія владѣтельныя особы. Окруженный блестящимъ дворомъ, среди покорныхъ ему монарховъ, Наполеонъ чувствовалъ себя могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. „Я иду въ Москву“, говорилъ онъ: „въ одно, два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ у меня на колѣняхъ просить мира“. Всѣ были убѣждены въ успѣхѣ кампаніи. Генералы и офицеры стремились попасть въ великую армію; солдаты также мечтали о славѣ и о богатой добычѣ.

По окончаніи празднествъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена, и въ серединѣ іюня былъ уже на берегу Нѣмана. Здѣсь ожидали его войска. Наполеонъ, въ своемъ сѣромъ походномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, сѣлъ на коня, проѣхалъ вдоль берега рѣки, осмотрѣлъ въ подзорную трубу окрестности Ковно. Рѣшено было перейти Нѣманъ. Прокламаціи, розданныя наканунѣ вступленія французовъ въ Россію, гласили слѣдующее: „Солдаты! Россія увлекается рокомъ, она не избѣгнетъ судьбы своей. Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи. Неужели Россія полагаетъ, что мы измѣнились. Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Война эта будетъ славна для Франціи, и миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ, и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы“.

Вечеромъ 11-го іюня были наведены три моста между Ковно и мѣстечкомъ Понѣмунь. Войскамъ приказано было соблюдать величайшую тишину, огней не разводить, чтобы не привлечь вниманія русскихъ. Въ ночь на 12-ое іюня конница, артиллерія, пѣхота переправились черезъ мосты. На другомъ берегу все было тихо, никакихъ слѣдовъ присутствія русскихъ. Наполеонъ проскакалъ верстъ 6 по сыпучему песку, среди еловаго лѣса, не встрѣтивъ ни души. Такъ, безъ объявленія войны, французы вступили въ предѣлы Россіи и заняли Ковно.

Противъ громадныхъ силъ Наполеона (608 т.), Россія могла выставить только 210 тысячъ человѣкъ раздѣленныхъ по неудачному плану генерала Пфуля на 3 арміи. Первая и главная армія въ 120 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, находилась въ Виленской губерніи; вторая армія въ 45 тысячъ, подъ начальствомъ Багратіона, расположена была въ Гродненской губерніи, и третья армія въ Волыни, резервная, наблюдательная, подъ начальствомъ Тормасова, защищала пути на Кіевъ. Общаго вождя надъ русскими войсками не было; на Барклая, предводителя главной арміи, смотрѣли какъ на единственнаго человѣка, способнаго вести войну съ Наполеономъ.

Дѣйствительно, Барклай былъ опытный, свѣдущій генералъ; онъ понималъ невозможность побѣдить въ рѣшительной битвѣ такого геніальнаго полководца, какъ Наполеонъ, да еще съ превосходными силами. Увѣренности, быстротѣ натиска Наполеона, Барклай противопоставилъ дѣйствія медленныя; онъ не давалъ рѣшительнаго сраженія, все отступалъ вглубь страны, какъ бы заманивая непріятеля въ ловушку, тревожа его мелкими стычками съ боковъ и съ тыла, угрожая ему голодомъ въ разоренной странѣ.

Но войска не вѣрили Барклаю: онъ былъ нѣмецъ, и осторожность его раздражала солдатъ: „русакъ не ракъ, задомъ ходить не любитъ“, говорили они. Офицеры и солдаты выражали явное недовѣріе Барклаю, а онъ не умѣлъ поднять упавшій духъ войска, не умѣлъ привлечь къ себѣ солдатъ. Много было недовольныхъ и среди народа: „шапками закидаемъ француза“, говорили крестьяне, желая рѣшительныхъ дѣйствій.

Иного характера былъ Багратіонъ, ученикъ великаго Суворова: онъ искалъ врага, шелъ ему на встрѣчу; первый бросался въ огонь, послѣдній выходилъ изъ боя. Итакъ, малочисленное войско; раздѣленныя огромными пространствами арміи; несогласныя дѣйствія и распоряженія военачальниковъ; недовольство всѣхъ Барклаемъ— вотъ картина, вотъ настроеніе Россіи при нашествіи Наполеона.

Въ злополучную ночь вступленія французовъ въ наше отечество, Императоръ Александръ находился въ Вильнѣ и былъ на балу у Бенигсена. Всѣ веселились; никто ничего не подозрѣвалъ. Вошелъ министръ полиціи и доложилъ государю, что непріятель переправился черезъ Нѣманъ. Государь скрылъ впечатлѣніе, произведенное на него этимъ извѣстіемъ, пробылъ еще нѣсколько минутъ на балу и затѣмъ удалился незамѣтно.

Онъ проработалъ всю ночь напролетъ: по повелѣнію государя, писались приказы корпуснымъ командирамъ, чтобы войска отступали, взрывая мосты, портя дороги и всячески затрудняя движеніе непріятеля. Государственный секретарь Шишковъ писалъ приказы по войскамъ, подписанные самимъ государемъ: „не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о долгѣ и храбрости. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами, на начинающаго Богъ!“ При

этомъ государь сказалъ Шишкову: „упомяни, что я не помирюсь, пока останется хотя одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ“.

Затѣмъ государь продиктовалъ письмо Наполеону, убѣждая его вывести войска изъ русскихъ владѣній, говоря, что нѣтъ достаточныхъ причинъ для войны, и что всѣ недоразумѣнія будутъ между ними улажены. „Въ противномъ случаѣ“, писалъ государь, „я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Еще вы, ваше величество, имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны“.

13 іюня государь призвалъ Балашова, прочелъ ему письмо къ Наполеону, приказалъ отвезти его и лично передать французскому императору. При этомъ государь опять повторилъ, что онъ не примирится до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный непріятель останется на русской землѣ.

Въ ночь съ 13 на 14 іюня Балашовъ, въ сопровожденіи трубача и двухъ казаковъ, выѣхалъ во французскую главную квартиру.

Черезъ четыре дня состоялось свиданіе Наполеона съ Балашовымъ. На письмо нашего государя Наполеонъ отвѣтилъ посланному слѣдующими словами: „неужели вы думаете, что я привелъ мои войска только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ.“

Переговоры ни къ чему не привели, тѣмъ не менѣе Наполеонъ пригласилъ Балашова къ обѣду. Бесѣдуя съ нимъ за столомъ и желая намекнуть Балашову о своемъ намѣреніи занять Москву, Наполеонъ спросилъ: „а скажите, генералъ, по какой дорогѣ удобнѣе всего пройти въ Москву?“ Балашовъ все время былъ на сторожѣ и спокойно, но значительно отвѣтилъ: „есть много дорогъ

на Москву, ваше величество, вотъ шведскій король, Карлъ XII, шелъ, напримѣръ, туда черезъ Полтаву". Наполеонъ и всѣ окружающіе его отлично поняли, что значитъ это упоминаніе о Карлѣ XII; чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное словами Балашова, Коленкуръ заговорилъ о своихъ петербургскихъ воспоминаніяхъ. Это письмо императора Александра было и послѣднимъ къ Наполеону. Балашовъ передалъ государю всѣ подробности разговора, и война сдѣлалась неизбѣжною. Государь уѣхалъ изъ Вильны, а черезъ пять дней Наполеонъ вступилъ съ войсками въ городъ. Первые дни пребыванія Наполеона въ Россіи были очень удачны, и онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что скоро покончитъ съ Россіей. Литовскій край былъ населенъ поляками, радушно встрѣтившими Наполеона. Жители Вильны привѣтствовали его восклицаніями: „да здравствуетъ императоръ!" Польскія дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, вели подъ уздцы лошадь Наполеона. Представитель университета со всѣми студентами вышелъ ему на встрѣчу и сказалъ хвалебное слово. Сановники города устраивали балы и празднества въ честь Наполеона; но простой народъ недружелюбно смотрѣлъ на незваныхъ гостей, такъ какъ войска обирали и обижали простой людъ.

Трудно намъ было разсчитывать на успѣхъ войны, въ виду грозныхъ силъ непріятеля. Тогда Императоръ Александръ издалъ 6 іюля манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Манифестъ гласилъ: „Мы взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ непріятель на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ

Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ! Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества! Святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи! Народъ русскій, храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ! соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.“

Воззваніе это произвело сильное впечатлѣніе по всей Россіи: всѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины; явился тотъ народный восторгъ, подъемъ народнаго духа, который далъ нашимъ воинамъ несокрушимость, презрѣніе къ смерти и нравственныя силы, сдѣлавшія ихъ неодолимыми. 9 іюля государь прибылъ въ Смоленскъ. Къ нему явилось смоленское дворянство съ просьбой дозволить имъ вооружить и содержать на свой счетъ 20 тысячъ войска. Государь благодарилъ дворянъ за то, что они первые вызвались на помощь отечеству; потомъ, какъ бы предчувствуя гибель Смоленска, государь захотѣлъ посмотрѣть городъ и его окрестности. Онъ останавливался на каждомъ шагу и говорилъ: „какой славный городъ! какіе виды! какія окрестности!“

Въ Смоленскѣ государь получилъ радостную вѣсть о заключеніи Кутузовымъ мира съ турками въ Бухарестѣ. Миръ былъ выгоденъ и необходимъ въ виду начинающейся войны съ французами; войска теперь могли вернуться въ Россію. Не помня себя отъ радости, государь вышелъ изъ кабинета и бросился на шею городскому головѣ, который ожидалъ высочайшаго выхода въ залѣ. Государь

сообщилъ ему о заключеніи мира и велѣлъ объявить народу эту радостную вѣсть.

11 іюля государь отправился въ Москву. На станціи Перхушово государя встрѣтилъ Растопчинъ, московскій военный губернаторъ. Чтобы избѣжать народной встрѣчи, государь въ полночь въѣхалъ въ Москву. Пріѣхалъ онъ въ свою первопрестольную столицу удрученный, грустный, озабоченный; но тутъ онъ увидѣлъ, что какъ ни велика бѣда, а народъ вынесетъ ее на своихъ плечахъ.

Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ; въ 9 часовъ утра появился на Красномъ крыльцѣ государь, чтобы итти въ Успенскій соборъ для выслушанія благодарственнаго молебствія по случаю заключенія мира съ Турціей. Загудѣли колокола, загремѣли тысячи голосовъ, привѣтствуя своего царя: „Ура! веди насъ, куда хочешь! веди насъ отецъ нашъ!“ кричалъ народъ. Идя среди густой толпы, государь какъ бы сливался съ ней въ одну семью. Когда полиція бросилась расталкивать народъ, государь сказалъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду!“

Видя грустное, озабоченное лицо государя, одинъ мѣщанинъ или купецъ выкрикнулъ изъ толпы: „не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ? А сколько же во всей Россіи! всѣ за тебя помремъ!“

Преосвященный Августинъ съ крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ государя при входѣ въ соборъ и привѣтствовалъ его прочувствованною рѣчью, которая оканчивалась слѣдующими словами: „Царю! Господь съ тобою. Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны водъ потопныя. Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ И царь и епископъ прослезились. При пѣніи: „да воскрес-

нетъ Богъ, и расточатся врази его!“ государь вступилъ въ храмъ.

15 іюля Растопчинъ собралъ купечество и дворянство въ Слободскомъ дворцѣ. По прочтеніи манифеста дворянамъ, Растопчинъ сказалъ, указывая на залу, гдѣ собралось купечество: „оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. И дѣйствительно, одно купечество Московской губерніи пожертвовало до 4 милліоновъ, а дворянство поставило 12 полковъ ратниковъ. Ихъ одѣли въ сѣрые суконные кафтаны, на шапки нашили крестъ съ именемъ государя и надписью: „за вѣру и царя“.

Государь былъ тронутъ патріотическимъ порывомъ. Онъ прибылъ въ Слободскій дворецъ и, обращаясь къ дворянамъ, выразилъ имъ свою благодарность слѣдующими словами: „Никогда я не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но рвеніе его превзошло мои ожиданія“. Затѣмъ государь благодарилъ купечество, а они всѣ единодушно отвѣчали: „мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою“. Государь былъ глубоко растроганъ, и на глазахъ у него навернулись слезы. Въ тотъ же день царь писалъ Салтыкову, своему бывшему наставнику: „нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій всѣхъ, усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ“.

Вся Россія приняла близко къ сердцу защиту родной земли: пожертвовано было 100 милліоновъ рублей; поставлено 320 тысячъ ратниковъ. Донъ вооружился отъ мала до велика. Каждый жертвовалъ, что могъ: приносили деньги, золотыя и серебряныя вещи, ружья, сабли, пистолеты, съѣстные припасы.

Между тѣмъ въ іюлѣ произошли уже первыя схватки съ непріятелемъ. Государь съ разу понялъ, что дѣйствія

№ 43134 ИНВЕНТ.

двумя арміями на одномъ театрѣ войны неудобны, и повелѣлъ Багратіону и Барклаю соединиться подъ Витебскомъ. Багратіонъ долженъ былъ подчиниться Барклаю, какъ главнокомандующему. По приказанію Барклая, Остерманъ съ цѣлымъ корпусомъ стоялъ около Островны и задерживалъ французовъ, чтобы дать возможность обѣимъ арміямъ соединиться. Остерманъ геройски, въ продолженіе цѣлаго дня, отбивалъ всѣ атаки непріятеля. Въ нѣкоторыхъ полкахъ ядра и картечь вырывали цѣлые ряды солдатъ. „Что дѣлать?“ спрашивали Остермана. „Ничего не дѣлать: стоять и умирать!“ отвѣчалъ Остерманъ.

Генералъ Раевскій не мало тоже способствовалъ соединенію армій. 10 іюля, въ дѣлѣ при Салтановкѣ, Раевскій, во главѣ Смоленскаго пѣхотнаго полка, повелъ въ огонь своихъ двухъ сыновей: Александра 16 лѣтъ и Николая—11. Войска, видя этотъ подвигъ отца, воодушевились до изступленія, бросились на непріятеля, вчетверо сильнѣйшаго, и опрокинули его.

Багратіонъ не могъ пробиться къ Витебску для соединенія съ Барклаемъ и, сразившись съ французами подъ Могилевомъ, онъ отступилъ къ Смоленску. Преслѣдуемый маршаломъ Даву, Багратіонъ совершилъ свое отступленіе съ такимъ искусствомъ и рѣшительностью, что заслужилъ одобреніе даже непріятелей.

Барклай, между тѣмъ, стоялъ подъ Витебскомъ и готовился къ генеральному сраженію, поджидая вторую армію. Солдаты, которымъ надоѣло бездѣлье и вѣчное отступленіе, пріободрились, вели себя молодцами въ сшибкахъ съ французами. Но вдругъ Барклай получаетъ извѣстіе, что Багратіонъ подъ Смоленскомъ. Не медля ни минуты, первая армія поспѣшила къ Смоленску, и соединилась со второй арміей 22 іюля; затѣмъ соеди-

нившіяся арміи направились къ Витебску, а Наполеонъ двинулся на Смоленскъ. Онъ хотѣлъ зайти съ тыла соединеннымъ арміямъ, взять Смоленскъ и преградить русскимъ войскамъ дорогу на Москву. Планъ Наполеона не удался. 7 тысячъ русскихъ, подъ начальствомъ Невѣровскаго, задерживали французовъ подъ Краснымъ до тѣхъ поръ, пока генералъ Раевскій съ 16 тысячами войска не занялъ Смоленскъ. Это было 3 августа. На другой день, рано утромъ, Барклай двинулъ войска наши къ Смоленску. Полки перегоняли другъ друга, спѣша на защиту города. Этотъ день былъ днемъ именинъ Наполеона, и французскія войска хотѣли сдѣлать ему подарокъ, взявъ Смоленскъ. 200 тысячная французская армія въ какомъ-то изступленіи устремилась къ стѣнамъ города; но корпусъ Раевскаго отразилъ непріятеля, и Наполеонъ въ день именинъ остался безъ подарка. 5 августа съ ранней зари до полуночи продолжалось сраженіе передъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни шагу, дрались, какъ львы. Французы и поляки съ безумною храбростью лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы. Наполенъ видя, что нельзя взять городъ приступомъ, приказалъ зажечь его. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на городъ. Дома, башни, церкви, магазины объялись пламенемъ, и все, что могло горѣть, запылало.

Смоленскъ съ окрестностями представлялъ страшную картину. Дымъ и густыя черно-багровыя облака нависли надъ городомъ. Трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, ружейная пальба, унылый звонъ колокола и вопль стариковъ, женщинъ, дѣтей дополняли ужасы этой картины разрушенія. Толпы жителей бѣжали изъ огня, а войска наши шли впередъ, въ огонь, спасая жизнь гражданъ и жертвуя своею на защиту родины.

*

Въ сумерки вынесли изъ собора чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, помѣстили образъ на одинъ изъ пороховыхъ ящиковъ и вывезли изъ города.

Французскія войска стремительно наступали, а Барклай рѣшился опять отступить къ Москвѣ; но чтобъ главная армія могла выйти на Московскую дорогу, корпусу Дохтурова поручено было задержать Наполеона у Смоленска. Дохтуровъ геройски отразилъ приступъ французской арміи, сопровождавшійся такой сильной канонадой, что большая часть домовъ превратилась въ груду развалинъ: изъ 2050 домовъ уцѣлѣли 350; улицы были завалены трупами.

Когда наша армія вышла на Московскую дорогу, Дохтуровъ покинулъ Смоленскъ, и непріятель вступилъ въ разрушенный городъ 15 августа. Наполеонъ ожидалъ найти много съѣстныхъ припасовъ для изголодавшейся арміи, но почти ничего не было въ опустошенномъ городѣ.

Въ день паденія Смоленска графъ Витгенштейнъ разбилъ на голову французовъ подъ Полоцкомъ.

Вся Смоленская губернія возстала противъ Наполеона. Французы въ каждомъ жителѣ, въ каждомъ крестьянинѣ встрѣчали непримиримаго врага.

Помѣщики вооружали свою дворню охотничьими ружьями, косами, топорами. Вспыхнула ожесточенная народная война. Появилась новообученная конница и пѣхота изъ поселянъ, и между ними были старики, подростки, бабы, вооруженные рогатинами, вилами, цѣпами. Особеннымъ удальствомъ славился Сычевскій уѣздъ. Крестьяне не пропускали удобнаго случая: врасплохъ нападали на непріятельскіе обозы, захватывали цѣлыми толпами плѣнныхъ. Старостиха Василиса, набравъ себѣ въ команду бабъ и ребятишекъ, вооруженныхъ кольями,

гоняла передъ собою плѣнныхъ въ городъ Сычевку. Верхомъ на конѣ она разъѣзжала между рядами плѣнныхъ, покрикивала на нихъ, угощая непослушныхъ побоями. Тогда одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженный ея обращеніемъ, началъ обороняться. Василиса выстрѣлила въ него и съ крикомъ: „маршъ, впередъ!“ погнала остальныхъ плѣнныхъ французовъ, какъ стадо барановъ.

Баба Прасковья изъ деревни Соколовой добивала раненыхъ французовъ тяжелыми ударами цѣпа по головѣ: „ну, Господь съ вами!“ говорила она: „коли въ васъ точно души христіанскія. Господь съ тобой, родненькій, не мучься, умри, ужъ одинъ конецъ!“ повторяла Прасковья съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія, набожностью и сознаніемъ своей правоты. Прасковья убила такимъ образомъ одного плѣннаго полковника, сняла съ него мундиръ, надѣла на себя, и съ орденами, въ каскѣ, верхомъ на лошади, участвовала въ сшибкахъ съ французами.

Послѣ взятія Смоленска Наполеонъ убѣдился, что война съ Россіей не походитъ на его войны съ Западной Европой, и непобѣдимый завоеватель сталъ сомнѣваться въ успѣшномъ окончаніи войны. Онъ написалъ письмо Императору Александру, говоря, что не стоитъ вести войну изъ-за кофе и сахара; но нашъ государь не далъ никакого отвѣта.

Пришлось Наполеону двинуться на Москву за нашимъ отступающимъ войскомъ. „Что намъ за польза, что русскіе все отступаютъ и отступаютъ,“ роптали французы: „враги намъ выѣденнаго яйца не оставляютъ“. Барклай рѣшилъ отступить по Дорогобужской дорогѣ къ Москвѣ; завлечь непріятеля въ сердце Россіи, истомить, истощить, его, дать окончательное сраженіе и добить врага. Немногіе понимали необходимость отступленія; большинство

требовало битвъ: „Нѣтъ, братцы, дѣло не чисто, намъ измѣняютъ, у насъ командиръ нѣмецъ, и душа его не болитъ по матушкѣ родной землѣ," говорили солдаты. Холодно встрѣчали Барклая войска, недружелюбно полководцы. Главнокомандующій поссорился съ Багратіономъ, удалилъ изъ арміи цесаревича Константина Павловича и генерала Бенигсена. Невыгодные слухи о Барклаѣ дошли до государя, и онъ сильно надъ этимъ призадумался. Онъ вѣрилъ въ честность Барклая, сознавалъ правильность его дѣйствій, но видѣлъ невозможность оставить его во главѣ войска. Тогда царь, уступая общему желанію, выбралъ главнокомандующимъ Михаила Иларіоновича Кутузова, 67-ми лѣтняго генерала, старѣйшаго между всѣми полководцами русской арміи. Онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ при Екатеринѣ II; онъ бралъ неприступную крѣпость Измаилъ вмѣстѣ съ Суворовымъ и былъ его любимцемъ, правою рукою. При Аустерлицѣ, когда союзная намъ австрійская армія была разбита, захвачена въ плѣнъ, и Вѣна взята, Кутузовъ искусными маршами отвелъ наши войска и уклонился отъ неравнаго боя съ Наполеономъ.

Въ 1811 году Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей. Онъ уничтожилъ 60-ти тысячную армію и принудилъ Турцію заключить выгодный для насъ Бухарестскій миръ.

По возвращеніи Кутузова въ Россію его избрали предводителемъ петербургскаго ополченія. Онъ былъ русскій, носилъ русское имя, что имѣло огромное значеніе въ глазахъ народа; въ него вѣрили, какъ въ будущаго спасителя Россіи.

Государь возвелъ Кутузова въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго, и 8-го августа удостоилъ Кутузова милостивымъ рескриптомъ, дѣлая его главнокоман-

М. И. Кн. Кутузовъ-Смоленскій.

Тип. Глазунова, СПб.

дующимъ надъ всѣми арміями и ополченіемъ. Свѣтлѣйшій, услышавъ повелѣніе государя, съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости принялъ новое назначеніе, какъ призваніе свыше. Кутузовъ не терялъ присутствія духа и вѣрилъ въ непобѣдимость Россіи, въ могущество и жизненность русскаго народа. Онъ со спокойной прозорливостью вникалъ въ совершающіяся событія и даже въ минуты неудачъ не падалъ духомъ. „Разбить меня можетъ Наполеонъ, но обмануть никогда“, говорилъ Кутузовъ, и не даромъ Наполеонъ называлъ его „старая лисица“.

11 августа Кутузовъ отправился въ армію. На пути его жители городовъ выходили на встрѣчу, отпрягали лошадей и везли на себѣ карету главнокомандующаго. „Радость русскихъ, по поводу назначенія Кутузова главнокомандующимъ, была неописуема. Въ Москвѣ эта радость доходила до опьяненія: всѣ бросались другъ другу въ объятія, считая себя спасенными,“ говоритъ графъ де-Сегюръ въ своей книгѣ „Двѣнадцатый годъ“.

О войскахъ и говорить нечего: свѣтлѣе сдѣлались лица; радостнѣе, оживленнѣе велись военныя бесѣды; поля биваковъ огласились веселыми пѣснями. „Веселость въ войскѣ доказываетъ его готовность итти впередъ; пусть забавляются, мнѣ пріятно слышать, какъ они веселятся,“ говорилъ Кутузовъ.

17 августа главнокомандующій пріѣхалъ къ войскамъ въ деревню Царево Займище, гдѣ была расположена главная армія. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, говорили солдаты. Старики вспоминали былые походы вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Его одежда, языкъ, суевѣрныя привычки и престарѣлый возрастъ напоминали имъ великаго Суворова. Одѣтый въ сюртукъ безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, съ нагайкой че-

резъ плечо, объѣзжалъ Кутузовъ войска. Солдаты и начальники засуетились, начали чиститься, подтягиваться, строиться. „Не надо, ничего этого не надо“, говорилъ Кутузовъ: „Я пріѣхалъ посмотрѣть только, здоровы ли вы, дѣти мои. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надо отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ“. Этою заботою, ласковостью онъ подкупалъ солдатъ; они видѣли въ немъ отца, благодѣтеля и говорили: „вотъ пріѣхалъ нашъ батюшка, онъ всѣ наши нужды знаетъ. Какъ не подраться вмѣстѣ съ нимъ; въ глазахъ его мы всѣ до одного рады головы сложить“.

Когда Кутузовъ дѣлалъ смотръ войскамъ, огромный орелъ взвился надъ его головой и парилъ надъ нимъ, пока онъ объѣзжалъ войска. Всѣ сочли этотъ случай за радостное предзнаменованіе побѣды. „И съ такими молодцами отступать!“ говорилъ какъ бы про себя главнокомандующій, объѣзжая войска; но многіе слышали его слова, и они съ быстротою молніи пронеслись по арміи. Всѣ радостно ожидали рѣшительнаго сраженія.

Осмотрѣвъ позицію, Кутузовъ нашелъ ее неудобной и велѣлъ отступить. Были разосланы офицеры для отысканія болѣе удобной позиціи, и наконецъ нашли подходящее поле для битвы—это было Бородино.

Бородино.

Село Бородино находится въ 108 верстахъ отъ Москвы, на большой Смоленской дорогѣ, между рѣчками Войной и Колочей, притоками рѣки Москвы. Войско наше растянулось на пространствѣ 7 верстъ. Правымъ флангомъ (крыломъ) упиралось въ Бородино, лѣвымъ крыломъ въ деревню Утицу, на Старой Смоленской дорогѣ, которая идетъ параллельно Большой Смоленской дорогѣ.

Фронтъ всей арміи расположился между этими двумя дорогами. Мѣстоположеніе позиціи было ровное, открытое и только кое-гдѣ возвышались холмы, виднѣлись деревни (Шевардино, Семеновское), рощи, кустарникъ. Русскіе неутомимо окапывались. Наиболѣе важные пункты были укрѣплены, устроены батареи для пушекъ. Эти батареи носили различныя названія: батарея Раевскаго, флеши Багратіона, Шевардинскій редутъ, возлѣ деревни Шевардино, между центромъ и лѣвымъ крыломъ.

Наполеонъ съ частью своего войска по пятамъ слѣдуетъ за русскими, настигаетъ насъ. И вотъ, на пространствѣ одной квадратной мили, собирается 130 тысячъ французскихъ войскъ, готовящихся къ бою и 110 русскихъ, считая здѣсь ратниковъ и казаковъ. Съ одной стороны стоятъ воины, пришедшіе съ крайнихъ предѣловъ Запада, опытные участники многихъ битвъ, подъ предводительствомъ величайшаго полководца въ мірѣ, Наполеона; съ другой—воины, сошедшіеся со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, закаленные въ трудахъ и лишеніяхъ, одушевленные любовью къ родинѣ, желающіе освободить ее отъ врага, подъ предводительствомъ любимаго полководца, на котораго возлагаются надежды всей Россіи.

Наполеонъ опасался, что русская армія опять ускользнетъ отъ него безъ боя; но русскія войска оставались на своихъ мѣстахъ, и Наполеонъ радостно воскликнулъ: „наконецъ-то! они въ нашихъ рукахъ! откроемъ себѣ ворота въ Москву!“

24 августа французскія войска подошли къ Бородину. Наши егерскіе полки, разсыпанные по берегамъ Колочи встрѣтили ихъ ружейными выстрѣлами. Видя, что наше правое крыло недоступно, Наполеонъ послалъ корпусъ Понятовскаго на Старую Смоленскую дорогу; а

три дивизіи корпуса Даву и два кавалерійскіе корпуса послалъ для занятія Шевардинскаго редута.

Силы французовъ превосходили наши силы, и Шевардинскій редутъ, обстрѣленный мѣткимъ огнемъ, былъ взятъ французами въ 8 ч. вечера. Но вдругъ явились гренадеры подъ предводительствомъ Багратіона. Кирасиры на правомъ крылѣ, драгуны на лѣвомъ поочередно кидалась на встрѣчу наступавшимъ французскимъ колоннамъ и отбили редутъ. Нѣсколько разъ редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки: противники не уступали другъ другу ни въ храбрости ни въ стремительности. Наступила ночь; за темнотою невозможно было сражаться, и Кутузовъ приказалъ русскимъ отступать: деревня Шевардино и редутъ остались въ рукахъ французовъ.

Коленкуръ донесъ Наполеону, что редутъ захваченъ, но не взято ни одного плѣннаго. Наполеонъ былъ изумленъ и спросилъ: „неужели эти русскіе рѣшили побѣдить, или умереть?“ Ему отвѣчали, что русскіе предпочитаютъ скорѣе умирать, чѣмъ сдаваться. Наполеонъ впалъ въ глубокое раздумье. Да, это былъ новый врагъ, съ которымъ приходилось считаться иначе.

25 августа, канунъ Бородинской битвы прошелъ тихо, безъ выстрѣла съ той и съ другой стороны. Наступающій великій день долженъ былъ рѣшить многое.

Прежде чѣмъ начать ужасную борьбу, два противника-великана внимательно наблюдали другъ друга, какъ будто взглядами хотѣли измѣрить свои силы и силы противника, и въ тишинѣ ожидали страшнаго столкновенія. Русскіе молча, серьезно готовились къ предстоящей битвѣ. Многіе солдаты отказались въ этотъ день отъ положенной порціи водки, говоря, что не къ тому они готовятся, не такой завтра день. Всѣ они въ ожиданіи смерти надѣли чистое бѣлье. Не было уныніе, но не

было и шумнаго восторга. Каждый солдатъ чувствовалъ кровную обиду, нанесенную дерзкимъ пришельцемъ его государю, его родинѣ; таилъ въ душѣ чувство мести за разоренные города и земли, за посягательство на его древнюю столицу, Москву. Предстоящая битва въ глазахъ всѣхъ была священна; она вызывала торжественную тишину и молчаніе.

Около полудня, по приказанію Кутузова, вдоль линіи войскъ проносили чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Тысячи головъ склонились до земли, поручая себя Заступницѣ. Тихое торжественное шествіе иконы, сопровождаемое церковнымъ пѣніемъ, напоминало воинамъ близость послѣдняго часа.

На встрѣчу чудотворному образу выѣхалъ Кутузовъ въ сопровожденіи Багратіона, Барклая, атамана казаковъ Платова и другихъ. Шествіе замедлило ходъ и остановилось. Кутузовъ съ неимовѣрными усиліями слѣзъ съ коня, снялъ фуражку и, крестясь, подошелъ къ чудотворному образу. Онъ бросился передъ святыней на колѣни и съ глазами, полными слезъ, со сложенными на груди руками, онъ сталъ порывисто цѣловать икону, всхлипывая и приговаривая: „Матушка, Святая Заступница! Поддержи... Къ Тебѣ прибѣгаемъ, спаси!“. Началось молебствіе. Многіе опустились на колѣни. Въ эту минуту на всѣхъ лицахъ нижнихъ чиновъ горѣло умиленіе. Когда благообразный старичокъ священникъ съ глубокимъ чувствомъ возгласилъ: „Преклоньше колѣна, Господу помолимся!“ Все войско и Кутузовъ упали на колѣни. Священникъ яснымъ, отзывающимся плачемъ и восторгомъ голосомъ, прочиталъ молитву о ниспосланіи побѣды русскому воинству.

Эти чудныя, полныя глубокаго смысла, бьющія по сердцу слова потрясли всѣхъ: послышались глубокіе

вздохи, всхлипыванья, у многихъ показались на глазахъ слезы.

Но сильнѣе всѣхъ проникся значеніемъ переживаемыхъ минутъ атаманъ казаковъ, Платовъ. Онъ далъ полную волю охватившему его святому чувству. По его худому лицу неудержимо текли слезы. Онъ безпрестанно мигалъ глубоко сидѣвшими подо лбомъ свѣтлыми глазами, громко всхлипывалъ, еще громче сморкался въ красный фуляровый платокъ, вытиралъ имъ лицо и вновь продолжалъ рыдать, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Всѣ обратили вниманіе на чрезвычайное волненіе Платова. Одни сочувственно смотрѣли на него: они понимали, какое святое чувство горитъ въ его душѣ и такъ бурно вырывается наружу; другіе съ недоумѣніемъ съ укоромъ смотрѣли на отважнаго атамана, слышались обидныя замѣчанія по его поводу: „не воздержался съ утра!“ „раненько! въ такой день можно было бы и потерпѣть!“ Платовъ, до слуха котораго дошли эти слова, махнулъ рукой и нервно подергивая себя за сѣдоватый усъ, сталъ протискиваться сквозь толпу къ своему вѣстовому, стоящему въ сторонѣ съ лошадьми.

Наступила ночь передъ великимъ сраженіемъ. Тихо, безмолвно было въ русскомъ лагерѣ: замолкли молитвенные звуки, улеглось житейское волненіе.

Нѣчто совсѣмъ иное происходило во французскомъ лагерѣ: „слышно было до разсвѣта, какъ ликовалъ французъ“. Не чувствовалось здѣсь религіознаго подъема, не призывали французы небесныя силы себѣ на помощь: они вѣрили въ себя, въ своего императора. Случилось, что въ этотъ день Наполеонъ изъ Парижа получилъ живописный портретъ своего маленькаго сына, римскаго короля. Онъ собственноручно выставилъ картину передъ своей палаткой, позвалъ офицеровъ и солдатъ старой

гвардіи, желая показать имъ своего любимаго сына и наслѣдника, воодушевить видомъ невиннаго малютки старыхъ воякъ на грядущія опасности. Но ни портретъ сына, ни одушевленные клики войска не могли дать Наполеону той увѣренности въ побѣдѣ, того спокойствія и подъема духа, какіе онъ всегда испытывалъ передъ рѣшительными сраженіями. „Шахматы поставлены, игра начнется завтра“, говорилъ Наполеонъ. Но онъ волновался и тревожился. Особенно мучило его опасеніе, что русская армія, воспользовавшись ночной темнотой, опять отступитъ. Ночью онъ поминутно просыпался, подзывалъ своихъ приближенныхъ, спрашивалъ, который часъ, не слышно ли шума отступленія, на мѣстѣ ли непріятель. Это обстоятельство вызывало въ немъ такія сомнѣнія, что онъ, раздавая свое обращеніе къ войскамъ, приказалъ прочесть его лишь на слѣдующее утро и то, если битва состоится. Затѣмъ его охватила иная тревога: онъ думалъ о жалкомъ состояніи своихъ солдатъ и задавался вопросомъ: смогутъ ли они, слабые, изголодавшіеся вынести ужасное, продолжительное столкновеніе“. Наконецъ начинаютъ его мучить размышленія, до сихъ поръ никогда не посѣщавшія его: что такое война? ремесло варваровъ, гдѣ все искусство заключается въ томъ, чтобы одинъ одолѣлъ другого. Онъ жаловался на непостоянство судьбы, удары которой онъ начиналъ уже испытывать и говорилъ: „готовится великій день, наступитъ ужасная битва!“ Лихорадочное волненіе, сухой кашель и сильная жажда мучили его всю ночь. Рано утромъ поднялся Наполеонъ и въ половинѣ шестого былъ уже у Шевардинскаго редута. „Сегодня холодно, но ясно“, сказалъ Наполеонъ и, указывая на заблестѣвшую зарю, онъ съ гордостью прибавилъ: „вотъ оно, солнце Аустерлица!“

Но солнце всходило надъ русскими войсками, оно освѣщало французовъ, открывая ихъ для русскихъ выстрѣловъ и ослѣпляя ихъ. Въ войскахъ читали воззваніе Наполеона: „воины, вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ: она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе на родину. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о нашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: „и онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“

Кутузовъ тоже обратился съ воззваніемъ къ своимъ войскамъ. Особенно горячій откликъ встрѣтили его слова: „Москва за нами!“ и всѣ рѣшились побѣдить, или умереть.

Въ половинѣ шестого раздался первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, наконецъ они слились въ ожесточенную канонаду. Выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ были такъ часты, что между ними не оставалось промежутка; залпы слились въ одинъ гулъ, уподобившійся непрерывнымъ раскатамъ грома; раскаленныя пушки то-и-дѣло лопались. Центромъ и нашимъ правымъ крыломъ командовалъ Барклай; лѣвымъ крыломъ Багратіонъ. Французы прежде всего стали обстрѣливать наши укрѣпленія: флеши Багратіона, батарею Раевскаго, село Бородино и другія. Сто орудій было направлено на флеши, и подъ прикрытіемъ такого огня двѣ французкія дивизіи двинулись на флеши подъ предводительствомъ Компана. Но едва французы вышли на открытое мѣсто, какъ Компанъ былъ сраженъ картечью. Даву, видя замѣшательство, происшедшее среди французовъ, принялъ начальство надъ ними, и повелъ войска на приступъ. Но и

онъ упалъ безъ чувствъ, получивъ контузію. Французы были выбиты изъ флешей гренадерами Воронцова, а драгуны и ахтырскіе гусары преслѣдовали непріятеля и отняли у него 30 пушекъ. Въ 8 часовъ французы подъ предводительствомъ Нея вновь двинулись на флеши. Багратіонъ встрѣтилъ французовъ страшнымъ огнемъ, но французы все-таки захватили лѣвую флешь, истребивъ почти всѣхъ нашихъ гренадеръ, защищавшихъ флешь. Тогда Багратіонъ повелъ противъ непріятеля свои полки. Ихъ встрѣтилъ неаполитанскій король Мюратъ съ конными егерями; но наши кирасиры опрокинули егерей, ворвались въ укрѣпленіе, выбивая оттуда палашами французовъ. Въ тѣсныхъ флешахъ сбились войска обѣихъ сторонъ; палили прямо въ лицо, бросались за 10 шаговъ въ штыки. Багратіонъ, какъ могучій орелъ защищалъ свое гнѣздо; но въ ту минуту, когда его присутствіе было особенно необходимо и отъ него зависѣло спасеніе лѣваго крыла, онъ получилъ смертельную рану и принужденъ былъ покинуть поле битвы.

Лѣвое крыло осиротѣло; но русскія колонны по прежнему шли съ величайшею отвагою, шли грозно и молча по своимъ и чужимъ трупамъ. Цѣлые взводы падали сраженными; но солдаты сплачивались подъ ужаснымъ огнемъ, составляли опять стройныя колонны и шли, попирая ногами самую смерть. Ихъ били картечью; на нихъ бросалась пѣхота; налетала конница; восемь новыхъ орудій появилось на сосѣднихъ холмахъ, а русскіе все двигались, исчезая въ этомъ страшномъ водоворотѣ. Даже непріятель съ восторгомъ смотрѣлъ на эту непоколебимость, смѣлую отвагу. Французы первые почувствовали утомленіе; ихъ боевые припасы приходили къ концу; но сдѣлавъ еще одно страшное усиліе, они окончательно захватили флеши. Коновницынъ отвелъ остатки русскихъ

войскъ за Семеновскій оврагъ, гдѣ прикрылъ ихъ тремя гвардейскими полками, и поставилъ на краю оврага сильную батарею; оттуда русскіе обрушились сильнымъ огнемъ на Нея и Мюрата. Ней захотѣлъ выбить наши войска изъ Семеновскаго, и послалъ Фріана. Но атака была отбита. Тогда Мюратъ предложилъ ввести въ дѣло конницу. 50 эскадроновъ кирасиръ, „желѣзные люди," какъ ихъ называлъ Наполеонъ, понеслись на Семеновское; земля дрожала подъ копытами ихъ лошадей. Переѣзжая оврагъ, кирасиры неожиданно наскочили на измаиловцевъ и литовцевъ, которые встрѣтили ихъ огнемъ и отбили три стремительныя атаки. Кирасиры заносились на батарею, гдѣ ихъ били банниками, хлестали пальниками, а солдаты литовскаго полка съ крикомъ „ура!" кидались въ штыки. Защита Семеновскаго досталась намъ не дешево: литовцы потеряли тысячу человѣкъ. Между тѣмъ на помощь французамъ прибыли еще 30 эскадроновъ, и дивизія Фріана утвердилась въ Семеновскомъ. Лѣвое крыло наше окончательно разстроилось; но, къ счастью, облака пыли, густой дымъ мѣшали французамъ видѣть это разстройство.

Положеніе французовъ тоже было не изъ блестящихъ: губительный огонь, упорныя, стремительныя атаки, ожесточенная защита укрѣпленій погубили тысячи непріятелей. Мюратъ требовалъ отъ Наполеона подкрѣпленія, но императоръ медлилъ и не высылалъ на помощь своимъ изнемогающимъ войскамъ запасную гвардію. Наполеонъ былъ неузнаваемъ; всѣ окружающіе съ изумленіемъ смотрѣли на него. Когда ему ежеминутно докладывали о гибели его генераловъ и войска, онъ только немногими движеніями выражалъ печальную покорность. Прежнее дѣятельное спокойствіе, проявлявшееся въ рѣшительныя минуты, смѣнилось тяжелымъ спокойствіемъ лѣни, мягкости, отсутствія энергіи.

Французы между тѣмъ повели наступленіе на нашу центральную позицію, курганную батарею, или батарею Раевскаго. Для защиты ея Раевскій расположилъ здѣсь дивизіи Васильчикова и Паскевича. Но у русскихъ въ самую рѣшительную минуту не хватило зарядовъ, и генералъ Бонами выбилъ защитниковъ изъ батареи. Непріятель, захвативъ одинъ изъ самыхъ главныхъ центральныхъ пунктовъ Бородинскаго поля, могъ разрѣзать наши войска, притиснуть правое крыло къ рѣкѣ Москвѣ. Къ счастью, въ это время проѣзжалъ Ермоловъ. Онъ увидѣлъ смятеніе на курганной батареѣ, поскакалъ на нее съ двумя конными ротами, захватилъ по дорогѣ свѣжій батальонъ Уфимскаго полка, повернулъ назадъ выбитыхъ изъ батареи конныхъ егерей, бросился съ ними на укрѣпленіе, и черезъ четыре часа оно было въ нашихъ рукахъ. Генералъ Бонами попался въ плѣнъ.

Французы усѣяли своими трупами курганную батарею, а остальные бѣжали, преслѣдуемые Васильчиковымъ и Паскевичемъ. На смѣну войскамъ Раевскаго явилась дивизія Лихачева, пріѣхалъ Барклай и возстановилъ опять порядокъ на курганѣ. Подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ Барклай спокойно дѣлалъ распоряженія. Вокругъ него падали раненые, убитые; изъ всей его свиты уцѣлѣлъ только одинъ офицеръ, а онъ словно искалъ смерти; точно своею отвагою онъ хотѣлъ отомстить за всѣ несправедливости и тяжкія обвиненія его въ измѣнѣ Россіи.

Наступилъ рѣшительный моментъ, „битва назрѣла“, по выраженію Наполеона. Всѣ силы французовъ были сосредоточены противъ центра. На этомъ маленькомъ клочкѣ земли было собрано все, что можетъ дать военное искусство, артиллерія, грозныя колонны пѣхоты, великолѣпная конница. Застонала земля. Градомъ сыпались бомбы и ядра. Всюду слышался трескъ и взрывы.

Лошади павшихъ всадниковъ носились цѣлыми табунами, топча копытами раненыхъ и мертвыхъ. Закоптѣлыя лица бойцовъ, покрытыя слоемъ пыли, были страшны и неузнаваемы. Въ воздухѣ висѣла мгла, въ которой сверкали красно-багровымъ свѣтомъ залпы семисотъ орудій. Земля на четверть пропиталась кровью и была покрыта словно краснымъ сукномъ. Всюду были разбросаны десятки тысячъ изуродованныхъ труповъ, и цѣлые костры ампутированныхъ рукъ и ногъ были сложены въ сосѣднемъ лѣсу. Русскіе и французы не уступали другъ другу въ храбрости и самоотверженіи. Взаимное ожесточеніе было такъ велико, что солдаты бросали оружіе и вступали въ рукопашный бой.

Ней и Мюратъ вторично послали къ Наполеону, требуя помощи. На этотъ разъ Наполеонъ отдалъ въ ихъ распоряженіе молодую гвардію. Французы начали одолѣвать русскихъ. Какъ вдругъ произошло смятеніе на лѣвомъ флангѣ непріятеля, за селомъ Бородинымъ, которое было захвачено ими еще рано утромъ. Сюда, съ разрѣшенія главнокомандующаго, пробрался атаманъ Платовъ со своими казаками и эскадронами изъ корпуса Уварова, произвелъ сумятицу въ тылу у французовъ. Прошло по крайней мѣрѣ два часа, пока у французовъ все пришло въ порядокъ, а наши тѣмъ временемъ усилили свой центръ и заполнили войсками опасный промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батареей.

По приказанію Наполеона, въ 2 часа французы возобновили атаку на курганную батарею. „Я буду тамъ живымъ или мертвымъ“, сказалъ Коленкуръ, и бросился со своими кирасирами на укрѣпленіе. Коленкуръ на дѣлѣ оправдалъ свои слова: онъ первый появился на окровавленномъ редутѣ и палъ сраженный пулей. Французская кавалерія, пѣхота, бѣшенымъ натискомъ почти достигла

огнедышащаго редута, но русскіе дали губительный залпъ, и французы отхлынули съ тѣмъ, чтобы съ новымъ ожесточеніемъ наброситься на курганъ.

Озвѣрѣлые французскіе кирасиры ворвались въ укрѣпленіе, и здѣсь завязался смертельный бой. Каждую пядь земли французы покупали страшными усиліями и кровавыми жертвами. Русскіе смыкали свои рѣдѣющіе ряды и подъ предводительствомъ генераловъ шли умирать у окоповъ, возведенныхъ ихъ руками. Наконецъ французы одолѣли насъ, захватили редутъ. Барклай отвелъ русскія войска къ деревнѣ Горки, а лѣвое крыло, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго, примкнуло къ лѣсу. Кутузовъ во время битвы сидѣлъ на скамеечкѣ и прислушивался къ тому, что происходило. Онъ выслушивалъ донесенія, дѣлалъ приказанія, но своимъ долголѣтнимъ военнымъ опытомъ, своимъ старческимъ умомъ онъ понималъ, что дѣло не въ этихъ донесеніяхъ и не въ его приказаніяхъ, а въ томъ могучемъ духѣ, которымъ объяты были наши войска; въ этомъ духѣ заключалась наша непоколебимая сила, и свѣтлѣйшій слѣдилъ за этой силой, руководилъ ею, насколько это было въ его власти. Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ свою сѣдую голову, но общее выраженіе его лица было сосредоточено и спокойно.

Еще нѣсколько пылкихъ атакъ, въ которыхъ попеременно принимали участіе почти всѣ наши полки, и сраженіе стало утихать. Было пять часовъ дня. Наполеонъ выѣхалъ на высоты и оттуда смотрѣлъ на поле битвы. Въ лужахъ крови лежали лошади и люди, поодиночкѣ и кучами; такого количества убитыхъ, на такомъ маленькомъ пространствѣ никогда еще не видалъ Наполеонъ и никто изъ его генераловъ. Русскіе стройными, плотными рядами стояли позади Семеновскаго, и ихъ

орудія гудѣли и дымили. Наполеонъ выразилъ желаніе прогнать русскихъ съ позиціи, но Мюратъ, указавъ на разстроенные ряды французской арміи, сказалъ, что для такого упорнаго врага потребуется ввести въ дѣло гвардію. „Я не дамъ гвардію за три тысячи верстъ отъ Франціи“, сказалъ Наполеонъ: „надо беречь резервы“. Но видъ непріятельскихъ полковъ, свистъ ихъ ядеръ и пуль раздражалъ Наполеона. Онъ былъ пораженъ неслыханной стойкостью русскихъ и сказалъ: „они, вѣрно, еще хотятъ артиллеріи, такъ дайте имъ“. Адская канонада еще на нѣсколько часовъ потрясла всю окрестность, пока не настала ночь, и сраженіе окончилось. Съ обѣихъ сторонъ изъ строя выбыло 100 тысячъ человѣкъ. У насъ убитыхъ и раненыхъ было 50 тысячъ; погибло много генераловъ: князь Багратіонъ, Кутайсовъ, Тучковъ I и IV; но остальная часть нашей арміи вполнѣ сохранила бодрость духа и готова была къ новому бою.

Извѣстіе о Бородинской битвѣ было принято съ восторгомъ, такъ какъ всѣ давно желали рѣшительной встрѣчи съ непріятелемъ. Русскіе приписывали побѣду себѣ, а Наполеонъ провозгласилъ побѣду въ своихъ войскахъ; но какъ не походила эта побѣда на всѣ предыдущія.

Атакующая французская армія была изумлена стойкостью врага, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Битва эта разрушала мечты Наполеона, окончить войну однимъ ударомъ. Онъ понялъ, что война съ Россіей только начинается и, сидя у себя въ палаткѣ, онъ перебиралъ въ умѣ всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одного сраженія, не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войска. Побѣда Наполеона на этотъ разъ была молчалива, сумрачна.

№ .....
№ 13134 ИНВЕНТ.

Военный совѣтъ въ Филяхъ въ 1812 году.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

Его генералы своими позами, молчаніемъ, опущенными глазами, подтверждали это, какъ нельзя лучше. Въ рядахъ французской арміи поселилось пагубное уныніе, повлекшее за собою дальнѣйшія неудачи, окончательное разстройство и гибель великой арміи.

Вечеромъ 26 августа Кутузовъ и русскія войска были увѣрены, что Бородинское сраженіе выиграно. Кутузовъ приказалъ готовиться къ новому бою, чтобы добить непріятеля. Но въ тотъ же вечеръ и на другой день стали приходить извѣстія о нашихъ неслыханныхъ потеряхъ. Возникалъ роковой вопросъ: жертвовать ли остальной половиной арміи для спасенія Москвы, или отдать Москву безъ боя и спасти армію. 27 августа войска наши двинулись къ Москвѣ, и 1-го сентября расположились въ трехъ верстахъ отъ столицы, около деревни Фили. Въ этотъ день, въ 2 часа, въ избѣ Андрея Севастьянова, вокругъ мужицкаго еловаго стола, гдѣ лежали карты, планы, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили ее возлѣ стола. Генералы: Раевскій, Ермоловъ, Остерманъ, Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Коновницынъ и др. составили военный совѣтъ. Фельдмаршалъ указалъ на невыгодность нашей позиціи подъ Москвой и прибавилъ: „пока будетъ существовать армія, и пока она сохранитъ возможность противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда окончить успѣшно войну; напротивъ того, по уничтоженіи арміи не только Москва, но вся Россія потеряна“. И въ заключеніе Кутузовъ категорически предложилъ слѣдующій вопросъ: „ожидать ли нападенія въ невыгодной позиціи, или уступить непріятелю Москву?“ Мнѣнія раздѣлились: одни говорили, что стыдно уступить Москву безъ выстрѣла; что занятіе непріятелемъ древней нашей столицы произведетъ сильное дѣйствіе на иностранные

дворы и вообще на Европу. Другіе говорили, что Москва не можетъ спасти Россію, что надо думать о сохраненіи арміи. Выслушавъ всѣ мнѣнія, высказанныя на совѣтѣ, свѣтлѣйшій закончилъ совѣщаніе слѣдующими достопамятными словами: „съ потерею Москвы, еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ отступленіемъ приготовить непріятелю неизбѣжную гибель. Вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать!“

Вполнѣ убѣжденный въ необходимости оставить Москву, Кутузовъ тѣмъ не менѣе не могъ побѣдить своей скорби, не спалъ всю ночь, нѣсколько разъ принимался плакать и, ударяя по столу кулакомъ, онъ грозилъ своимъ невидимымъ врагамъ-французамъ, говоря: „будутъ они у меня жрать лошадиное мясо, какъ турки!“ Въ ту же ночь фельдмаршалъ написалъ московскому главнокомандующему, графу Растопчину, письмо, о рѣшеніи сдать Москву безъ боя, при чемъ просилъ графа выслать полицейскихъ чиновниковъ для проведенія войскъ черезъ столицу. Растопчинъ, пылкій энтузіастъ, патріотъ, не допускалъ мысли, конечно, о сдачѣ Москвы. Онъ ежедневно выпускалъ афиши, въ которыхъ призывалъ народъ на борьбу съ врагомъ. Онъ убѣждалъ москвичей оставаться въ столицѣ и упрекалъ въ малодушіи, трусости, отсутствіи патріотизма тѣхъ, кто бѣжалъ подальше отъ Москвы, спасая и вывозя изъ города свое имущество. Москва однако пустѣла; а неутомимый графъ Растопчинъ выпускалъ афишу за афишей для успокоенія народа.

Чѣмъ ближе подходилъ непріятель къ Москвѣ, тѣмъ ревностнѣе укрѣпляло духовенство народъ на защиту родины. Преосвященный митрополитъ Платонъ пріѣхалъ

въ Москву за нѣсколько дней до вступленія непріятеля, чтобы благословить гражданъ на борьбу съ супостатомъ. Вѣсть о прибытіи преосвященнаго въ Москву поселила надежду въ народѣ, упавшемъ духомъ. Многіе рѣшили принять участіе въ защитѣ столицы, причастились св. Таинъ, обрекая себя на смерть.

Когда Растопчинъ получилъ увѣдомленіе главнокомандующаго о сдачѣ Москвы, онъ позаботился о томъ, чтобы святыни московскія, Иверская и Владимирская иконы Божіей Матери, были увезены во Владиміръ. Все казенное имущество, архивъ, драгоцѣнности на 63 тысячахъ подводахъ были отправлены изъ Москвы еще раньше, вскорѣ послѣ Бородинской битвы. Растопчинъ распорядился уничтожить всѣ запасы хлѣба и провіанта, которые не успѣли вывезти; онъ оставилъ нѣсколько полицейскихъ и приказалъ имъ зажечь Москву въ разныхъ мѣстахъ, какъ только войдетъ въ городъ непріятель.

Государю Растопчинъ писалъ слѣдующее донесеніе: „Князь Кутузовъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ коемъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется отъ уступленія города, гдѣ сосредоточивается величіе ея, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывезъ; мнѣ остается только плакать объ участи моего отечества“.

Наступилъ послѣдній день свободной Москвы, роковое 2-е сентября. Наши войска двинулись черезъ Москву на Рязанскую дорогу; во всѣхъ концахъ столицы поднялась страшная суматоха: каждый спѣшилъ уйти или уѣхать подобру, поздорову. Экипажи запрудили улицы; пѣшеходы, навьюченные узлами и мѣшками, вели и несли

дѣтей; везли нагруженныя ручныя телѣжки. Все это тѣснилось, спѣшило къ заставѣ и производило такую толкотню, давку, сумятицу, что войска должны были пойти въ обходъ. А непріятель уже подходилъ къ столицѣ. Къ счастью, нашимъ аррьергардомъ командовалъ распорядительный, энергичный генералъ Милорадовичъ. Онъ заключилъ съ Мюратомъ перемиріе на нѣсколько часовъ, чтобы дать возможность нашимъ войскамъ выйти изъ Москвы, а въ случаѣ несогласія, Милорадовичъ обѣщалъ драться до послѣдней возможности и обратить Москву въ развалины. Мюратъ согласился на перемиріе, и русская армія безпрепятственно отступала. Но вдругъ Милорадовичъ замѣтилъ, что непріятельскій конный отрядъ хочетъ перерѣзать нашимъ войскамъ отступленіе. Милорадовичъ безстрашно, одинъ подскочилъ къ непріятельскому отряду и спросилъ, кто ими командуетъ. Французы были озадачены смѣлостью русскаго генерала и почтительно отвѣтили ему, что ими командуетъ генералъ Себастьяни. Милорадовичъ подъѣхалъ къ генералу, сказалъ, что войска его нарушаютъ перемиріе и отрѣзаютъ отступленіе. Себастьяни извинился, говоря, что онъ ничего не зналъ, Мюратъ не увѣдомилъ его, но тѣмъ не менѣе отозвалъ конницу и пропустилъ русскія войска и обозъ. „Не правда ли, мы предобрые люди? Все это могло бы быть наше!“ говорилъ Себастьяни, указывая на двигающіеся обозы. „Ошибаетесь!“ возразилъ Милорадовичъ: „вы не взяли бы этого иначе, какъ перешагнувъ черезъ мой трупъ; а сто тысячъ, которые тамъ“, Миларадовичъ указалъ рукою по направленію нашей арміи—„отомстили бы за мою смерть!“ Въ этомъ заявленіи Миларадовича не было хвастовства. Солдаты его любили за отчаянную храбрость, а Ермоловъ справедливо сказалъ однажды: „нужно имѣть запасную жизнь,

чтобы быть вездѣ съ вашимъ превосходительствомъ". Здѣсь кстати скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ храбромъ генералѣ. Милорадовичъ, узнавъ однажды, что два эскадрона очутились среди непріятелей, садится на лошадь, одинъ скачетъ черезъ непріятельскіе посты и выводитъ своихъ солдатъ. Французы, восхищенные доблестью, безстрашіемъ Милорадовича, называли его русскимъ Баярдомъ и нерѣдко привѣтствовали криками: „vive le brave général Milaradovitsch!"

Не только безумная отвага и презрѣніе къ смерти, но его невзыскательность въ житейскихъ потребностяхъ, его хлѣбосольство, гостепріимство и радушіе располагали къ нему враговъ и своихъ. Щедрый до расточительности, самъ онъ иногда оставался безъ гроша. Разсказываютъ, что во время похода, бывало вернется онъ въ свою палатку и говоритъ денщику: „дай-ка мнѣ пообѣдать!" — Да у насъ ничего нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ. „Ну, такъ дай мнѣ чаю!"—И чаю нѣтъ. „Дай трубку!"—Табакъ весь вышелъ. „Ну, такъ дай мнѣ бурку!" скажетъ Милорадовичъ, завернется въ бурку и заснетъ богатырскимъ сномъ. Но вернемся къ нашему повѣствованію.

Послѣ подвига Милорадовича началось вступленіе въ Москву французовъ. Москва опустѣла; остались въ ней только иностранцы-ремесленники и торговцы, да простой людъ, которому нечего было терять. Наполеонъ верхомъ на лошади медленно подвигался къ Москвѣ. Онъ заставлялъ осматривать лѣса, овраги, боясь непріятельской засады. Наконецъ онъ въѣхалъ на Поклонную гору и отсюда смотрѣлъ на открывающееся передъ нимъ необычайное зрѣлище. Москва просторно разстилалась со своею рѣкою, садами, церквами, увѣнчанными золотыми куполами, которые, какъ звѣзды, горѣли и трепетали въ лучахъ солнца. Была та чудная осенняя погода, когда

низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весною, когда все блеститъ въ рѣдкомъ чистомъ воздухѣ, и Москва сверкала тысячею переливающихся цвѣтовъ. При видѣ этого великолѣпнаго города, изумленные французы остановились съ восклицаніями: „Москва, Москва!“ „Вотъ онъ наконецъ, этотъ знаменитый азіатскій городъ со своими безчисленными церквами, эта священная Москва! Давно пора!“ сказалъ Наполеонъ, слѣзая съ лошади. Онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда къ нему пріѣдутъ сановники и бояры, униженно станутъ просить о милости. Такъ было въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ и въ другихъ столицахъ Европы, которыя сдавались побѣдителю. Никто однако не являлся. „Видно эти варвары не знаютъ, какъ слѣдуетъ сдавать городъ!“ сказалъ раздраженно Наполеонъ: „приведите ко мнѣ бояръ“. Но окружающіе Наполеона боялись сказать ему, что Москва пуста. Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ, ожидая депутацію. Наконецъ онъ сѣлъ на коня и двинулся къ Москвѣ. Раздался одинъ выстрѣлъ сигнальной пушки. Бѣглымъ шагомъ, рысью двинулась армія. Пораженныя удивленіемъ, при видѣ опустѣлаго города, войска хранили торжественное молчаніе и съ тайнымъ трепетомъ прислушивались къ стуку лошадиныхъ копытъ, одиноко раздававшемуся въ пустомъ городѣ. Французамъ странно было слышать среди такого количества жилищъ, лишь шумъ своихъ шаговъ. Наполеонъ остановился у Дорогомиловской заставы и опять ожидалъ депутацію. Къ нему привели съ дюжину бѣдно одѣтыхъ иностранцевъ-ремесленниковъ.

— Гдѣ бояре? спросилъ Наполеонъ.

— Никого нѣтъ, всѣ уѣхали.

— А Растопчинъ гдѣ?

— Онъ сопровождаетъ русскую армію.

— Прогоните эту сволочь! сказалъ Наполеонъ, затѣмъ прибавилъ: „А, русскіе еще не знаютъ, какія послѣдствія повлечетъ за собою взятіе столицы“.

Наполеонъ провелъ ночь на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ. Эта ночь была печальна и тревожна для Наполеона, такъ какъ ежечасно получались рапорты о подготовляющихся пожарахъ. Съ двухъ часовъ утра пожары начались; тѣмъ не менѣе 3-го сентября Наполеонъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Москву. Онъ былъ въ сѣромъ походномъ сюртукѣ, въ треугольной шляпѣ; свита, его окружавшая, блистала золотомъ. Музыка играла военные марши, войска кричали: „да здравствуетъ императоръ!“ но въѣздъ въ опустѣлый, загорающійся со всѣхъ концовъ городъ былъ печаленъ.

„Теперь война кончена, мы въ Москвѣ, Россія покорена. Я предложу ей такой миръ, какой найду для себя выгоднымъ“, говорилъ Наполеонъ своимъ генераламъ при въѣздѣ въ Москву. Но не такъ думалъ Кутузовъ. Онъ зналъ, что война только что начинается; что Москва для Наполеона и его арміи является ловушкой, и радостно говорилъ: „Слава Богу! Это ихъ послѣднее торжество. Головой ручаюсь, что Москва погубитъ французовъ“.

Наполеонъ, полный раздумья вступилъ въ Кремль. При видѣ палатъ и храмовъ, при видѣ колокольни Ивана Великаго, дворца Романовыхъ и Рюриковичей, Наполеонъ вернулся къ своимъ прежнимъ надеждамъ. Его тщеславію льстило такое завоеваніе. „Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!“ гордо говорилъ онъ и съ чувствомъ удовлетворенія разсматривалъ всѣ мелочи.

Мы уже знаемъ, какъ только французы вошли въ Москву начались пожары. Сперва загорѣлись москатель-

ныя лавки, затѣмъ гостиный дворъ; въ Земляномъ городѣ запылалъ каретный рядъ, подожженный самими хозяевами. Покинутые дома стояли запертыми, но вдругъ внутри слышался трескъ, взрывъ, появлялась тоненькая струйка дыма, которая быстро становилась густой, черной, затѣмъ принимала огненную окраску, и вскорѣ все зданіе рушилось въ вихрѣ взрывовъ и пламени.

Сами жители взрывали и поджигали свои дома, не желая, чтобы они служили непріятелю. Потушить пожаръ не было никакой возможности: тушили въ одномъ мѣстѣ, загоралось сейчасъ же въ другомъ, по сосѣдству; пламя вихремъ перебѣгало съ крыши на крышу, въ одинъ часъ истребляя все, накопленное годами.

Наполеонъ былъ раздраженъ: онъ пожертвовалъ всѣмъ для завоеванія первопрестольной столицы; онъ нанесъ ударъ въ самое сердце страны; но не нашелъ у русскихъ ни колебанія, ни покорности, ни страха. „Москва погибла“, говорилъ онъ, видя цѣлое море огня; требовалъ, чтобы тушили пожары, но французскіе солдаты безуспѣшно боролись съ огнемъ, у нихъ не было никакихъ средствъ: по распоряженію Растопчина весь пожарный обозъ былъ вывезенъ изъ Москвы. Наполеонъ терялъ самообладаніе; то онъ принимался за работу; то оставлялъ ее, бросался къ окнамъ и наблюдалъ за усиленіемъ пожара: „какое ужасное зрѣлище!“ говорилъ онъ рѣзко и отрывисто:—„это они сами поджигаютъ! сколько дворцовъ! какое невѣроятное рѣшеніе! что за люди! Это скиѳы!“ Наполеонъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ рѣшимостью непріятеля, превзошедшею его собственную рѣшимость.

Кремль еще стоялъ неприкосновеннымъ, но недолго: раскаленныя головни залетали на дворъ, гдѣ стояли зарядные ящики; загорѣлись дворцовыя конюшни; огонь сталъ уже охватывать дворецъ, гдѣ находился Наполеонъ,

горѣла башня надъ арсеналомъ, подожженная однимъ изъ русскихъ; прошелъ слухъ, что подъ Кремлемъ заложены мины. Русскіе не жалѣли своего древняго Кремля, осуждали на разрушеніе храмы и палаты царей, чтобы только погубить Наполеона съ его арміей. Наполеонъ, снисходя къ просьбамъ своихъ приближенныхъ, рѣшился наконецъ покинуть Кремль и велѣлъ вести себя въ Петровскій дворецъ, находившійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы.

Огонь охватилъ уже ворота крѣпости, и не было возможности выйти изъ Кремля. Подземнымъ ходомъ Наполеонъ съ офицерами и гвардіей вышелъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Но передъ ними разстилалось огненное море; вокругъ слышался ревъ пламени, грохотъ рушившихся сводовъ, башенъ, крышъ изъ раскаленнаго желѣза. Передъ французами открылась одна единственная узкая улица, и они двинулись по ней, ступая по огненной землѣ, видя надъ собою огненные языки, по обѣимъ сторонамъ огненные стѣны. „Впередъ, господа, впередъ!“ говорилъ Наполеонъ: „одна только быстрота можетъ спасти насъ“. Но переулокъ, гдѣ они шли, упирался въ пылающій домъ.

Спасенія, казалось, не было. Въ это время въ воротахъ дома показались 5 французскихъ гренадеръ, занимавшихся грабежомъ. Они узнали императора и вывели его изъ огня на безопасное мѣсто. Наполеонъ временно поселился въ загородномъ Петровскомъ дворцѣ.

На слѣдующій день, утромъ, Наполеонъ увидѣлъ, что пожаръ не затихъ: по прежнему бушевало пламя, и городъ казался громаднымъ огненнымъ столбомъ, поднимавшимся къ небу. Погруженный въ созерцаніе этого страшнаго зрѣлища, Наполеонъ мрачно говорилъ: „Это, предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!“ Страшенъ былъ не

пожаръ, а отсутствіе жизненныхъ припасовъ, на которые разсчитывали французы. Хлѣбъ былъ потопленъ, или сожженъ; домашній скотъ уведенъ; чай, сахаръ, кофе, вина и лакомства можно было достать въ покинутыхъ лавкахъ, но въ насущномъ французы терпѣли нужду: не было ни мяса, ни хлѣба, ни соли; для лошадей не хватало овса и сѣна. Непріятели стали голодать; питались кониной, не брезгали ни воронами ни галками. Предсказаніе Кутузова сбылось.

На четвертыя сутки огонь сталъ утихать: нечему было горѣть, $^3/_4$ Москвы лежало въ развалинахъ. Французскіе солдаты отстояли Кремль, и 6-го сентября Наполеонъ опять переѣхалъ въ Москву. Возвращаясь въ Кремль, Наполеону пришлось проѣзжать черезъ французскій лагерь, расположенный въ полѣ, недалеко отъ сгорѣвшаго города. Лагерь представлялъ печальное зрѣлище. Горѣли огромные костры, сложенные изъ дорогой мебели; тутъ же въ грязи валялись иконы; вокругъ костровъ, покрытые копотью и грязью сидѣли офицеры и солдаты, кто на соломѣ и доскахъ, а кто, развалясь удобно, въ креслахъ и на шелковыхъ диванахъ. Возлѣ нихъ кучами лежали дорогія шали, мѣха, парчи, серебряная посуда, а пищей служило обугленное черное тѣсто, недожаренная конина. На встрѣчу Наполеону попадались цѣлыя толпы мародеровъ, шедшихъ на поиски, или возвращавшихся съ грабежа изъ разореннаго города. Они гнали передъ собою захваченныхъ въ Москвѣ русскихъ; послѣдніе были нагружены, какъ вьючныя животныя награбленнымъ французами добромъ. Площади и лагерь обратились въ огромные рынки. Дорогіе предметы роскоши отдавались за безцѣнокъ; тюки сахару, кофе и тончайшія вина охотно промѣнивали на кусокъ хлѣба.

Наполеонъ видѣлъ, что грабежи и безчинства породили своевольство, дисциплина исчезла. Наполеонъ издалъ приказъ, запрещавшій грабежъ; велѣно было всѣ припасы сдавать въ магазины, и оттуда по мѣрѣ надобности выдавать войскамъ. Но никто не повиновался приказу: солдаты не слушались офицеровъ, офицеры оказывали неуваженіе не только генераламъ, но даже самому Наполеону.

Великая армія разваливалась отъ отсутствія дисциплины, погибала отъ голода; особенно страдала конница отъ недостатка фуража. Французы хотѣли склонить окрестныхъ крестьянъ, чтобы тѣ за высокую плату доставляли имъ хлѣбъ, овесъ и сѣно; но крестьяне поголовно возстали на врага и ни за какія деньги не соглашались доставлять имъ припасы. Съ оружіемъ въ рукахъ французы оспаривали другъ у друга остатки Москвы: дрались изъ-за клока сѣна, изъ-за мѣры овса.

Чтобы поднять духъ войска, Наполеонъ сталъ устраивать смотры, раздавать награды, произносить рѣчи; имъ же было пущено ложное извѣстіе о томъ, что французы взяли Петербургъ. Завели въ Москвѣ театръ; но это мало развлекало голодныхъ, оборванныхъ французовъ. Среди нихъ развились болѣзни и смертность отъ дурного питанія.

На французскую армію, на самого Наполеона, на всю Европу оставленіе русскими Москвы и ея сожженіе произвели огромное впечатлѣніе. Наполеонъ ясно видѣлъ, что его походъ не удался; что русскую армію нельзя разбить, а надо ее перебить всю до послѣдняго человѣка; онъ никого не покорилъ, находился въ пустой, сожженной Москвѣ, среди ополчившейся на него цѣлой Россіи. Каждый русскій горѣлъ неутолимой жаждой мести за свою родимую Москву.

При упоминаніи имени Наполеона нѣчто странное дѣлалось со всѣми, будь то бѣдный или богатый, знатный или незнатный: гнѣвомъ пылали глаза, слышались угрозы и проклятія супостату. Русскіе всѣ до одного боялись заключенія съ французами мира. Наполеонъ первый заговорилъ о мирѣ, въ противномъ случаѣ угрожалъ итти на Петербургъ, но русскій царь не удостоилъ Наполеона отвѣтомъ.

Когда государь Императоръ получилъ донесеніе графа Растопчина о сдачѣ Москвы, онъ былъ очень удрученъ и послалъ слѣдующій рескриптъ на имя Кутузова: „Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го сентября получилъ я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміей оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости!“

9-го сентября Кутузовъ послалъ къ государю изъ арміи полковника Мишо съ офиціальнымъ донесеніемъ объ оставленіи русскими Москвы.

Государь тотчасъ принялъ Мишо въ своемъ кабинетѣ *).

— Какія извѣстія привезли вы мнѣ? грустныя, полковникъ.

— Очень грустныя, ваше величество! отвѣчалъ Мишо.

— Неужели предали мою древнюю столицу безъ битвы? быстро проговорилъ государь.

---

*) Начиная со словъ «Государь тотчасъ» и до словъ «Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо» — взяты изъ «Войны и Мира» Л. Толстого съ нѣкоторыми сокращеніями.

Мишо почтительно передалъ государю, что подъ Москвою драться не было возможности и что оставался только одинъ выборъ—потерять армію и Москву, или одну Москву.

Государь выслушалъ Мишо молча.

— Вступилъ ли непріятель въ городъ? спросилъ онъ.

— Да, ваше величество, и въ настоящую минуту Москва обращена въ пепелъ; я оставилъ ее объятую пламенемъ. Но, взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ. Государь тяжело дышалъ; его прекрасные голубые глаза мгновенно увлажились слезами. Но это продолжалось только одну минуту. Государь нахмурился, какъ бы осуждая себя за слабость и, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо.

— Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ. Я готовъ покориться во всемъ Его волѣ. Но скажите, Мишо, какъ оставили вы армію, покидавшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

— Государь, позволите ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ честному воину? сказалъ Мишо.

— Полковникъ, я всегда этого требую! сказалъ государь:—не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать истину.

— Государь, я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата безъ исключенія въ великомъ, отчаянномъ страхѣ.

— Какъ такъ? строго нахмурившись перебилъ государь.—Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ отъ неудачъ? Никогда!

— Государь, сказалъ почтительно Мишо:—они боятся только того, чтобы ваше величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова сражаться и доказать вашему величеству насколько они вамъ преданы.

— А! успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо. — Вы меня успокоиваете, полковникъ! Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Ну, такъ возвращайтесь къ арміи, сказалъ онъ,— скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ добрымъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ своихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства моего государства. Этихъ средствъ больше, нежели думаютъ мои враги. Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ, сказалъ государь, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, — чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ моей родины и моего дорогого народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить.

Прекрасное лицо государя раскраснѣлось, глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Полковникъ Мишо, не забудьте, что я вамъ сказалъ здѣсь, можетъ быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я! сказалъ государь, — мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ.

Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо сказалъ: „Ваше величество подписываете въ эту минуту славу своего народа и спасеніе Европы“.

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.“

Извѣстіе о занятіи французами Москвы произвело на Петербургъ и на всю имперію сильное впечатлѣніе, но не оказало вреднаго вліянія на духъ народа, и общее довѣріе къ Кутузову нисколько не поколебалось.

Всѣ боялись одного—заключенія мира, но государь обнародовалъ манифестъ, въ которомъ заявлялъ о своемъ непремѣнномъ намѣреніи продолжать войну.

„Не въ ту сторону зашелъ Наполеонъ“, говорилъ русскій царь, „гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы и, спасая себя, спасетъ независимость царей и царствъ“.

Намѣреніе государя продолжать войну было принято народомъ съ восторгомъ; всѣ сословія воодушевлялись одною мыслью—отомстить супостату. Началась народная война. Жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились французы поголовно возстали на защиту родины и безпощадно губили ненавистнаго врага. Французы ругались надъ иконами, обращали святыя церкви въ конюшни и казармы, и это оскорбленіе религіознаго чувства возбуждало въ русскихъ еще большую ненависть и страстное желаніе отомстить. Началась, кромѣ того, партизанская война. Она состояла въ томъ, что русскіе малыми военными отрядами нападали на непріятеля врасплохъ, налетомъ, ловили мародеровъ, отрѣзывали транспорты, хватали отсталыхъ въ плѣнъ, а при неудачѣ скрывались въ лѣса,

но такъ ловко, что непріятель не могъ найти и слѣда. Партизанская война началась собственно со вступленія французовъ въ Смоленскъ, но официально была принята Кутузовымъ 24 августа, по мысли полковника Дениса Давыдова. Весельчакъ, поэтъ, балагуръ, Давыдовъ своимъ недюжиннымъ умомъ, своимъ русскимъ чутьемъ понялъ, что партизанскія дѣйствія хорошо вооруженныхъ регулярныхъ войскъ могутъ нанести сильный вредъ непріятелю, который былъ неспособенъ вести войну малыми отрядами: французскія войска привыкли къ большимъ дѣйствіямъ правильнымъ строемъ. Давыдовъ горячо отстаивалъ передъ Кутузовымъ партизанскую войну, и наконецъ, свѣтлѣйшій согласился испробовать это средство. Давыдовъ получилъ 50 гусаръ и 150 казаковъ въ полное распоряженіе. Когда главнокомандующій увидѣлъ пользу партизанскихъ отрядовъ, онъ усилилъ отрядъ Давыдова и, кромѣ того, выбралъ нѣсколько отважныхъ офицеровъ, далъ имъ небольшіе легкіе отряды и поручилъ дѣйствовать повсюду. Партизаны расположились къ югу и къ сѣверу отъ Москвы, такъ что армія Наполеона была окружена ими со всѣхъ сторонъ.

Отрядъ передвигался безшумно, по ночамъ, проселками и тропинками; переходы дѣлались быстрые, отдыхали въ лѣсахъ и оврагахъ, переносили голодъ и холодъ, жили, какъ волки. Никто, кромѣ начальника не зналъ, куда идетъ отрядъ. Налетъ на непріятеля партизаны дѣлали быстро, неожиданно, съ разныхъ сторонъ, и тутъ ужъ французамъ не было пощады. Особенно страшно было попасться партизану Фигнеру, который безо всякой жалости истреблялъ французовъ. Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ съ самаго начала войны съ Наполеономъ готовился къ смерти. Онъ посѣщалъ церкви, усердно молился и плакалъ. Всѣми силами души возненавидѣлъ

№
12123
...ВЕНТ.
/5

Плѣнные французы.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

онъ французовъ и особенно Наполеона. Когда непріятель занялъ Москву, Фигнеръ отпросился у Кутузова и пошелъ пѣшкомъ въ столицу. Онъ собирался убить Наполеона, главнаго виновника нашихъ бѣдствій. Фигнеръ дѣйствовалъ со своимъ партизанскимъ отрядомъ около Москвы. Онъ истреблялъ продовольствіе, нападалъ на фуражировъ, взрывалъ зарядные ящики, отбивалъ орудія и сообщалъ Кутузову самыя вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, о всякомъ его движеніи. Фигнеръ прекрасно зналъ французскій языкъ и не разъ, переодѣвшись во французскій мундиръ, онъ проникалъ въ Москву, переговаривался съ непріятелемъ, узнавалъ такія секретныя распоряженія, какихъ нельзя было узнать отъ шпіоновъ.

Насколько успѣшны были дѣйствія партизанъ, свидѣтельствуетъ донесеніе Кутузова государю о томъ, что за 10 дней партизаны захватили въ плѣнъ болѣе 5 тысячъ непріятелей, не считая убитыхъ и раненыхъ. Партизанамъ не мало помогали крестьяне: они водили ихъ по лѣсамъ и трущобамъ, показывая дорогу, сдавали плѣнныхъ. Партизаны въ свою очередь способствовали образованію крестьянскихъ отрядовъ, вооружали ихъ, научали, какъ надо дѣйствовать. Въ особенности прославилась дружина маіора Емельянова, состоявшая изъ дворянъ и крестьянъ. Сперва они вооружены были пиками и косами, но затѣмъ появилось огнестрѣльное оружіе, отнятое у непріятеля. Емельяновъ устроилъ сторожевые посты, откуда подавались сигналы, уходить ли изъ домовъ, собираться ли въ бой, или быть насторожѣ. Гусаръ Самусь составилъ отрядъ изъ 2 тысячъ конныхъ и пѣшихъ ратниковъ; у нихъ была даже пушка, отбитая у французовъ. Этотъ отрядъ очень успѣшно дѣйствовалъ и истребилъ болѣе 3 тысячъ непріятелей. Помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ помогали казакамъ истреблять бродя-

чія шайки французовъ; но потомъ они попались въ руки непріятелю и были разстрѣляны. Народная война началась въ Смоленской губерніи, о чемъ и было разсказано выше; затѣмъ поднялась Калужская, Московская, Владимирская и Тверская губерніи. Но дѣйствовать въ этихъ губерніяхъ было труднѣе, потому что здѣсь стояли главныя непріятельскія силы. Тогда крестьяне собирались сообща, цѣлыми деревнями; приносили присягу истреблять французовъ и крѣпко держаться другъ друга. За околицей, на высокомъ мѣстѣ ставили стражу. Если французы были многочисленны, набатомъ призывались на помощь сосѣднія деревни, сообща нападали на непріятеля, а добычу дѣлили по-братски. Но не изъ-за добычи, не изъ жадности поднялся русскій народъ, ополчился на врага. Дворяне и мѣщане, крестьяне и отставные солдаты, купцы и духовные, — всѣ званія и состоянія сражались за родину, всякій по своему достатку и силамъ.

Наполеона пугала эта неожиданная имъ народная война. Онъ по своему понималъ русскій народъ; въ крестьянахъ видѣлъ онъ несчастныхъ рабовъ, которые рады будутъ избавиться отъ крѣпостной зависимости. Онъ писалъ воззванія, обѣщалъ крестьянамъ мирную, свободную жизнь; зазывалъ на московскіе рынки, обѣщая имъ высокія цѣны за ихъ продукты.

Но Наполеонъ не зналъ русскаго мужика: онъ былъ вѣренъ своему царю и на воззванія Наполеона отвѣчалъ своими враждебными дѣйствіями.

Наполеонъ ждалъ отвѣта на свои мирныя предложенія отъ государя и не дождался. Онъ негодовалъ, чувствуя нанесенное ему оскорбленіе. Въ припадкѣ гнѣва онъ составлялъ безумные планы: надо сжечь до основанія Москву, пойти на Петербургъ, предать разрушенію этотъ городъ. Тогда возмущенная Россія возстанетъ на своего

царя, противъ него составленъ будетъ заговоръ, и его казнятъ. Наполеонъ дѣлился своими мыслями съ маршалами, но всѣ они выражали только удивленіе и молчали, понимая несбыточность его предположеній. Наконецъ Наполеонъ рѣшился послать генерала Лористона къ Кутузову съ мирными предложеніями. „Я хочу мира, мнѣ нуженъ миръ во что бы то ни стало! Спасайте только честь!“ Говорилъ всесвѣтный побѣдитель.

Кутузовъ выслушалъ формальныя предложенія мира; но когда это было доведено до свѣдѣнія государя, онъ написалъ Кутузову: „въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“. Кромѣ того, государь прислалъ повелѣніе Кутузову начать наступательныя дѣйствія противъ непріятеля: „вспомните“, писалъ императоръ: „что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы“.

Между тѣмъ наступила поздняя осень. Подули холодные вѣтры, пошли осенніе дожди, начались морозы, которые застали французовъ въ легкой одеждѣ. Изнуреніе великой арміи было полное. Наполеонъ, видя безуспѣшность мирныхъ переговоровъ, сталъ готовиться къ выступленію изъ Москвы. Принялись за укладку военной добычи, захватили ни къ чему ненужныя турецкія и польскія знамена, московскій гербъ и крестъ съ колокольни Ивана Великаго. Наполеонъ, слышалъ, что русскіе приписываютъ большое значеніе этому кресту; что съ нимъ связана цѣлость государства; во что бы то ни стало онъ хотѣлъ увезти крестъ съ собою и водрузить его надъ домомъ инвалидовъ въ Парижѣ. Стоило неимовѣрныхъ усилій сорвать съ колокольни гигантскій крестъ. Въ то время, когда его снимали, стаи воронъ съ гром-

кимъ карканьемъ носились надъ Наполеономъ. „Кажется, эти зловѣщія птицы хотятъ защищать его“, сказалъ Наполеонъ, склонный во всемъ видѣть предзнаменованія.

Сборы арміи къ отступленію продолжались, но Наполеонъ колебался, уходить ему или оставаться. Казалось, онъ предчувствовалъ, что при первомъ шагѣ отступленія начнется его паденіе. Но 6-го октября Кутузовъ началъ наступательныя дѣйствія противъ Мюрата и разбилъ его.

Это извѣстіе заставило Наполеона покинуть Москву. „Идемте къ Калугѣ! и горе тѣмъ, кто намъ попадется на пути!“ театрально провозгласилъ онъ. Побѣдоносная армія двинулась изъ Москвы 7-го октября, но что за странный, нищенскій видъ имѣла она. Всѣ въ лохмотьяхъ, одѣтые въ зипуны, женскія юбки, священническія ризы и стихари, кто въ чемъ попало. За арміей тянулись пушки, обозы. Вмѣстѣ съ французскими войсками покидали Москву всѣ проживавшіе здѣсь иностранцы со своими семьями, имуществомъ, нагруженнымъ на телѣги и коляски, — все это, конечно, замедляло движеніе арміи и напоминало скорѣе огромный таборъ, чѣмъ благоустроенное войско.

Покидая Москву, Наполеонъ оставилъ отрядъ подъ предводительствомъ Мортье, приказалъ ему взорвать кремль и сжечь уцѣлѣвшія зданія. Утромъ 10 октября раздался оглушительный взрывъ; со всѣхъ сторонъ полетѣли градомъ камни; рухнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ кремлевскія стѣны; треснула колокольня Ивана Великаго; разрушены были кремлевскіе дворцы, грановитая палата, но соборы уцѣлѣли. Пожаръ свирѣпствовалъ, но огонь не коснулся храмовъ, хотя церковь Спаса на Бору была вся заметана головешками. Во всѣхъ церквахъ остались слѣды поруганія святынь: мощи выброшены,

иконы разбросаны, престолы повалены; тутъ же валялись палыя лошади и разныя нечистоты.

Москва представляла потрясающую картину: ея развалины тлѣли и дымились. Пустота площадей и улицъ наводила на душу тоску; людскіе и лошадиные трупы заражали воздухъ. Изъ окрестныхъ деревень явились крестьяне; они входили въ уцѣлѣвшіе дома, забирали здѣсь вещи, нагружали свои телѣги и уѣзжали по домамъ. На улицахъ бродили лошади, и ихъ уводили крестьяне съ собою. На третій день, послѣ оставленія Москвы французами, въ городѣ появились казаки, полиція и стали все приводить въ порядокъ: убирали трупы, жгли ихъ на берегу, а пепелъ сметали въ воду. Воровъ хватали, отбирая отъ нихъ награбленныя вещи. Наивозможный порядокъ наконецъ былъ введенъ въ сожженной, разрушенной и разграбленной Москвѣ. Приготовили большую церковь въ Страстномъ монастырѣ для совершенія литургіи. Все было разграблено: не было сосудовъ, пришлось взять стеклянные. Наканунѣ, вечеромъ ударили въ колоколъ ко всенощной, и пошелъ благовѣстъ по всѣмъ уцѣлѣвшимъ колокольнямъ. Москва словно ожила. Церковь, паперть и дворъ монастыря наполнились народомъ. И никогда, можетъ быть, москвичи не молились такъ горячо, съ такимъ усердіемъ, какъ въ этотъ день. Началось молебствіе. Не только русскіе, но башкиры и калмыки упали на колѣни. Общее рыданіе сливалось со священнымъ пѣніемъ, съ трезвономъ колоколовъ. Всѣ молились объ одномъ: да сохранитъ Господь православную Русь, ея Царя и всѣхъ жителей.

Теперь посмотримъ, что было съ нашими войсками послѣ оставленія Москвы. Фельдмаршалъ вывелъ войска на Рязанскую дорогу, но послѣ двухъ переходовъ повернулъ на Калужскую. Кутузовъ оставилъ на Рязанской

дорогѣ аррьергардъ подъ начальствомъ Милорадовича. Хитрость Кутузова удалась. Мюратъ, который шелъ по слѣдамъ Милорадовича, былъ въ полной увѣренности, что онъ преслѣдуетъ главную армію. На полпути между Москвой и Калугой находится село Тарутино. Сюда-то пришелъ Кутузовъ и сказалъ торжественно: „теперь ни шагу назадъ“! Выборъ лагеря былъ очень удачный, такъ какъ войска наши загораживали дорогу на Калугу, гдѣ были склады продовольствія, и на Тулу съ ея оружейными заводами. Подъ Тарутинымъ армія наша отдыхала, собиралась съ силами. Сюда со всѣхъ сторонъ приходили отряды ополченцевъ; по призыву атамана Платова, съ Дона пришло 20 тысячъ казаковъ, и своимъ прибытіемъ очень обрадовали Кутузова. Шли казаки безъ отдыха, дѣлая по 60 верстъ въ день. Тутъ были и убѣленные сѣдинами старцы и безбородые юноши. Казалось, что цѣлыя семейства переселились съ тихаго Дона на поле битвы. Дѣды, отцы, сыновья и внуки—всѣ шли на защиту родины. Они привели съ собою сильныхъ коней и своею удалью, смѣлостью наводили страхъ на непріятелей.

Въ то время, какъ французы погибали отъ голода и холода въ Москвѣ, въ Тарутинѣ наши войска имѣли съ излишкомъ все необходимое. Сюда приходили цѣлые обозы съ хлѣбомъ, мясомъ, виномъ; жители подмосковныхъ и южныхъ губерній дѣлали богатыя пожертвованія на снабженіе русскаго войска.

Здѣсь образовался цѣлый городокъ. Раскинутыя палатки, соломенные шалаши были просторны и удобны. На площадяхъ устроились настоящіе рынки, гдѣ окрестные крестьяне продавали хлѣбъ, овощи, плоды; солдаты торговали предметами роскоши, захваченными у французовъ; казаки продавали приведенныхъ ими коней. Вече-

ромъ вездѣ зажигались огни, слышалась музыка, пѣніе. Прежняя грусть смѣнилась весельемъ; угнетенное состояніе духа—надеждой на скорое изгнаніе непріятеля изъ Россіи

Въ тарутинскомъ лагерѣ находился нашъ поэтъ Жуковскій, среди московскихъ ополченцевъ; здѣсь онъ написалъ стихотвореніе „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, гдѣ звучными стихами прославлялъ героевъ отечественной войны, призывая Бога на защиту дорогой для него родины слѣдующими словами:

О будь же, русскій Богъ, намъ щитъ!
Прострешь свою десницу,
И мститель-громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня
Растаетъ врагъ предъ нами.

Не смотря на очень длинное стихотвореніе, оно было настолько популярно, что заучивалось всѣми наизусть. Кромѣ Жуковскаго, въ ряды защитниковъ отечества сталъ поэтъ Батюшковъ и поэтъ князь Вяземскій, находившійся безотлучно при генералѣ Милорадовичѣ; затѣмъ извѣстный писатель Загоскинъ, авторъ „Юрія Милославскаго“, принималъ участіе въ отечественной войнѣ и былъ раненъ подъ Полоцкомъ.

Кутузовъ лучше другихъ понималъ безнадежное положеніе Наполеона и терпѣливо выжидалъ. Онъ не признавалъ наступательныхъ дѣйствій, теперь это было ненужное расходованіе русскихъ силъ. „Терпѣніе и время—вотъ мои воины-богатыри. Мы можемъ только проиграть дѣйствуя наступательно“, говорилъ Кутузовъ.

Въ началѣ октября, начались военныя дѣйствія, произошло пораженіе Мюрата, о чемъ было упомянуто. Въ ночь на 11-е октября Кутузовъ лежалъ нераздѣ-

тый на своей походной кровати. Какъ всѣ старые люди, онъ плохо спалъ по ночамъ, и теперь, погруженный въ свои думы, предположенія, расчеты, свѣтлѣйшій не спалъ, облокотивъ голову на руку. Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Это были дежурные генералы Коновницынъ и Болховитиновъ, пришедшіе съ важнымъ извѣстіемъ о выходѣ Наполеона со всей арміей изъ Москвы.

Когда Кутузовъ услышалъ давно жданную и желанную вѣсть, онъ обратился лицомъ къ иконамъ въ красномъ углу, набожно сложилъ руки и сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Господи, Создатель мой, внялъ Ты молитвѣ нашей, спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!“ и онъ заплакалъ.

Тотчасъ же были сдѣланы необходимыя распоряженія, и къ вечеру 11-го октября тарутинскій лагерь опустѣлъ.

Изъ Москвы Наполеонъ пошелъ на Калугу, куда ведетъ двѣ дороги: Старая — на Тарутино и Новая — на Боровскъ и Малоярославецъ. Наполеонъ хотѣлъ обмануть бдительность русскихъ, пойти по Старой дорогѣ, потомъ, сдѣлавъ верстъ 30, выйти на Новую дорогу, черезъ Малоярославецъ, пройти на Калугу. Еслибъ это движеніе ему удалось, онъ отрѣзалъ бы нашу армію отъ Калуги и могъ бы въ ней зимовать, такъ какъ тамъ находились большіе запасы продовольствія. Намъ было выгодно не пропустить Наполеона въ Калугу и направить французскія войска на Смоленскъ по прежней разоренной дорогѣ. Партизаны Сеславина выслѣдили это движеніе Наполеона, донесли Дохтурову, а тотъ поспѣшилъ занять Малоярославецъ. 11-го октября у этого города произошла страшная рѣзня. Семь разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ къ вечеру его развалины остались въ рукахъ французовъ. Съ той и съ другой стороны легло болѣе 12 тысячъ. Теперь,

подъ стѣнами этого разореннаго, сожженнаго города рѣшалась судьба кампаніи. По одну его сторону находились французы, которымъ, во что бы то ни стало, надо было пробиться черезъ Малоярославецъ; въ этомъ заключалось ихъ спасеніе. По другую сторону стояли русскіе, рѣшившіеся скорѣе умереть, но не пустить дальше непріятеля.

Атаманъ Платовъ, пользуясь ночной темнотой, перевелъ 6 казачьихъ полковъ черезъ рѣчку Лужу, протекающую около Малоярославца; за нимъ переправился егерскій полкъ, чтобы стеречь переправу. Казаки увидали, что по дорогѣ къ городу тянется пѣшее и конное французское войско. Казаки двинулись сперва шагомъ, потомъ рысью и наконецъ съ пронзительнымъ гикомъ вынеслись донцы карьеромъ на большую дорогу, прямо на артиллерію, отбили 40 пушекъ, обозы. Въ это время по долинѣ рѣки Лужи ѣхалъ Наполеонъ, направляясь къ Малоярославцу. Казаки, увидавъ его, понеслись ему на встрѣчу. Стоило только протянуть руку, чтобы захватить Наполеона въ плѣнъ, и тогда конецъ войнѣ; но на помощь императору подъѣхалъ его конвой, вся гвардія, кавалерія, и казаки, захвативъ только боченки съ золотомъ, 11 орудій, повернули назадъ.

Почти въ этотъ же часъ, около Боровска, генералъ Кутейниковъ отбилъ отъ французовъ обозъ съ серебромъ; изъ этого серебра сдѣлана впослѣдствіи рѣшетка въ Казанскомъ Соборѣ.

13-го октября обѣ арміи простояли въ бездѣйствіи. Наполеонъ не рѣшился атаковать русскихъ и, послѣ долгаго раздумья, двинулся къ Смоленску черезъ Можайскъ, по разоренной дорогѣ. Французамъ пришлось еще разъ увидѣть Бородинское поле, покрытое безчисленными, полуобглоданными трупами. Наполеонъ быстро

проѣхалъ поле, бросивъ печальный взглядъ на эту огромную могилу французовъ, безплодно принесенныхъ въ жертву его тщеславію.

Кутузовъ со своими войсками и казаками неутомимо преслѣдовалъ непріятеля, постоянно нападая на него то съ тыла, то съ боковъ, захватывая обозы и орудія. 22 октября, у Вязьмы, Милорадовичъ и Платовъ атаковали французскій аррьергардъ, потерявшій 7 тысячъ человѣкъ.

Въ этотъ же день выпалъ снѣгъ, начались морозы, и бѣдствія непріятеля стали возрастать. Припасы, взятые изъ Москвы были съѣдены; на разоренной дорогѣ ничего нельзя было достать. Армія голодная, холодная, гонимая русскими спѣшила въ Смоленскъ. На этотъ городъ французы возлагали всѣ свои надежды, такъ какъ здѣсь собраны были припасы еще съ начала войны и оберегались 6 тысячнымъ отрядомъ. 28 октября французы дошли до Смоленска; но зимнихъ квартиръ не было въ сгорѣвшемъ, разоренномъ городѣ; припасовъ хватило только для гвардіи, этого привилигированнаго войска, а армія осталась опять голодная, измученная. Тогда французы разсыпались по Смоленску для грабежа, но и грабить было нечего: лошадиныя трупы свидѣтельствовали объ общей голодовкѣ.

Топлива не хватало: оконныя рамы и двери служили для костровъ. Зловѣщій Смоленскъ, который армія считала конечнымъ пунктомъ своихъ мученій, былъ если не началомъ, то продолженіемъ всѣхъ дальнѣйшихъ ужасовъ.

Въ Смоленскѣ Наполеонъ получилъ извѣстіе, что цѣлый отрядъ его войска положилъ оружіе подъ дер. Ляхово; что другой отрядъ разбитъ на рѣкѣ Вопи, близъ Духовщины. О продолжительномъ пребываніи французовъ въ Смоленскѣ нечего было и думать. Наполеонъ

узналъ, что на него движется еще двѣ арміи: съ юга шелъ Чичаговъ, съ сѣвера Виттенштейнъ, защищавшій дорогу въ Петербургъ.

2-го ноября Наполеонъ покинулъ Смоленскъ и направился къ Красному; туда же спѣшилъ и Кутузовъ. Наши войска были утомлены усиленными переходами, но не очень нуждались въ провіантѣ; французскія же войска страдали отъ голода: среди нихъ были нерѣдки случаи людоѣдства. Русская зима не щадила несчастныхъ французовъ; холодъ и снѣгъ пробивались сквозь ихъ легкую одежду и изорванную обувь. Промокшее платье замерзало на нихъ и сковывало члены. Рѣзкій порывистый вѣтеръ прерывалъ дыханіе. Бороды и усы покрывались ледяными сосульками. Французы едва тащились, и достаточно было одному изъ этихъ несчастныхъ наткнуться на трупъ товарища, поскользнуться, какъ онъ со стономъ падалъ и не въ состояніи былъ уже подняться. Снѣгъ постепенно заносилъ упавшаго, и на мѣстѣ паденія поднимался снѣжный бугоръ, подъ которымъ лежалъ заживо погребенный. Товарищи несчастнаго шли дальше, стараясь не глядѣть на эти ужасные снѣжные бугры; но всюду, на необозримой пеленѣ снѣга, возвышались эти страшныя могилы, а надъ ними стояли темныя ели, помахивая мохнатыми вѣтвями и стерегли покой погребенныхъ. Множество собакъ лежало на трупахъ своихъ прежнихъ хозяевъ, воя отъ голода и горя. Другія бродячія собаки грызли мясо на рукахъ и на ногахъ несчастныхъ французовъ, нерѣдко еще живыхъ. Ужасы отступленія великой арміи увеличивались еще ожесточеннымъ отношеніемъ русскихъ къ непріятелю. Русскій народъ, набожный, вѣротерпимый, не могъ вынести равнодушно осквернения своихъ храмовъ и святынь, и многіе изъ простонародья считали своей священной обязанностью предавать

лютой смерти враговъ: пощадить француза считалось грѣхомъ, оскорблявшимъ Бога.

Когда государь узналъ о жестокомъ отношеніи русскихъ къ непріятелю, онъ прислалъ курьера къ Кутузову съ повелѣніемъ воспретить ужасную расправу съ врагомъ. Въ то же время государь назначилъ плату „по червонцу за каждаго плѣннаго крестьянамъ и солдатамъ, которые представятъ ихъ въ сохранности гражданскимъ властямъ“. Кромѣ того, на обмундированіе каждаго плѣннаго тратилось не менѣе 50 р. что обошлось казнѣ въ нѣсколько милліоновъ.

Силы Наполеона таяли. Подъ Краснымъ произошло кровопролитное сраженіе, длившееся 4 дня, съ 3-го по 6-е ноября. Захвачено было въ плѣнъ 26 тысячъ французовъ, сотни пушекъ, и въ числѣ трофеевъ жезлъ маршала Даву. Наполеонъ торопился уйти изъ Россіи; онъ получилъ еще непріятныя извѣстія: одинъ изъ его маршаловъ, Викторъ, потерпѣлъ пораженіе 2-го ноября; Минскъ занятый французами въ началѣ войны, былъ взятъ Чичаговымъ 4-го ноября. Эти послѣднія пораженія окончательно разстроили армію, и отступленіе обратилось въ бѣгство. Большая часть войска представляла собою толпу призраковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, куски ковровъ, въ грязные плащи, обгорѣлые, продырявленные выстрѣлами; ноги несчастныхъ были обернуты всякими тряпками; безъ оружія, какъ плѣнники, они шли съ опущенными головами; ихъ землистыя, исхудалыя лица поросли щетинистою бородою. Среди полуголыхъ солдатъ находилось много полковниковъ, генераловъ, одинокихъ, заброшенныхъ. Они шли въ перемежку съ солдатами, которые ихъ не замѣчали: имъ нечего было приказывать, всѣ связи были порваны, всѣ различія стерты несчастьемъ.

Русскіе надѣялись окончательно истребить жалкіе остатки войскъ Наполеона, а самого его захватить въ плѣнъ. Особенно разсчитывали на это, когда непріятелю придется переправляться черезъ Березину, на которой не было мостовъ, а перейти глубокую рѣку въ бродъ да еще въ холода — было невозможно. Адмиралъ Чичаговъ и графъ Витгенштейнъ шли со своими арміями другъ другу на встрѣчу, чтобы сомкнуть войска, какъ двѣ стѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться черезъ Березину непріятель. За французами шелъ Кутузовъ, атаманъ Платовъ со своими казаками, генералъ Милорадовичъ, генералъ Ермоловъ и Бороздинъ. Наполеона оттѣснили къ Березинѣ, и ему надо было, во что бы то ни стало, перейти рѣку. Чичаговъ караулилъ его около Борисова. Разсчитывая захватить Наполеона въ плѣнъ, Чичаговъ издалъ слѣдующій приказъ: „Наполеонова армія въ бѣгствѣ; виновникъ бѣдствій Европы съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему будетъ угодно прекратить гнѣвъ свой, предавъ его намъ. Почему желаю, чтобъ примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая, и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящшей надежности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника. Извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ. П. Чичаговъ“.

Наполеонъ видѣлъ, что пробиться черезъ наши войска ему невозможно; онъ пустился на хитрость: чтобы ввести въ заблужденіе Чичагова, Наполеонъ послалъ по направленію къ Борисову цѣлую дивизію кирасиръ, нѣсколько повозокъ и приказалъ тамъ собирать матеріалъ, якобы для моста, производить какъ можно больше шума; а на 12 верстъ выше Борисова, въ Студянкѣ, фран-

цузскіе саперы дѣйствительно наводили 2 моста и тайно подготовляли все для переправы. Наши войска спохватились только тогда, когда половина французовъ была уже на другомъ берегу, а остальная часть переходила черезъ мостъ подъ русскими ядрами и пулями. При переправѣ одинъ мостъ провалился; люди, лошади, пушки полетѣли въ воду. Дорого обошлась Наполеону эта знаменитая переправа, тянувшаяся съ 14 по 16-ое ноября. Русскіе захватили 25 тысячъ плѣнныхъ, а сколько погибло французовъ отъ нашей картечи, отъ давки во время переправы; цѣлыя тысячи тонули въ ледяной водѣ Березины. Вся артиллерія, лагерь, добыча, награбленная французами въ Москвѣ—достались намъ. Наши молодцы казаки отбили при Березинѣ 40 пудовъ серебра и пожертвовали на иконостасъ въ Казанскомъ Соборѣ.

Наполеонъ со своею гвардіей и съ частью войска, наименѣе разстроеннаго, переправился на другой берегъ и ускользнулъ изъ рукъ Чичагова.

Трудно описать негодованіе русскихъ противъ адмирала Чичагова; его подозрѣвали въ измѣнѣ; а графъ Ланжеронъ, участвовавшій въ Березинской операціи, съ насмѣшкой называлъ Чичагова „Ангеломъ хранителемъ Наполеона“. Его высмѣивали, негодовали; Державинъ написалъ на Чичагова язвительное стихотвореніе, а дѣдушка Крыловъ не менѣе язвительную басню „Щука и котъ“, гдѣ подъ щукой подразумѣвался неискусный морякъ, начальствовавшій надъ сухопутными войсками. Кутузовъ, всегда хладнокровный, спокойный, вышелъ изъ себя, когда ему донесли о переправѣ черезъ Березину Наполеона; въ первыя минуты онъ не хотѣлъ вѣрить; но затѣмъ успокоился и сказалъ: „Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать нѣкоторые генералы“.

Отъ Березины Наполеонъ двинулся къ Вильнѣ. Здѣсь французы потеряли еще нѣсколько тысячъ человѣкъ, благодаря морозамъ, доходившимъ до 30 градусовъ. Такимъ образомъ изъ 608 тысячъ войска, съ которымъ Наполеонъ вторгся въ Россію, осталось не болѣе 60 тысячъ человѣкъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, не доѣзжая Вильны, Наполеонъ оставилъ свою несчастную, разоренную армію на попеченіе Мюрата, а самъ сѣлъ въ возокъ и съ чужимъ паспортомъ, чтобы не быть остановленнымъ въ пути, уѣхалъ въ Парижъ, набирать новыя войска.

За проводы нежданныхъ гостей по Смоленской дорогѣ Кутузовъ получилъ отъ государя титулъ князя Смоленскаго. 29 ноября онъ съ главной арміей вступилъ въ Вильну и ожидалъ тутъ государя. Царь пожелалъ провести свой день рожденія, 12 декабря, среди побѣдоноснаго русскаго воинства и выѣхалъ 7-го декабря изъ Петербурга. 11-го государь прибылъ въ 5 часовъ въ Вильну, въ замокъ, гдѣ ожидалъ его Кутузовъ. Въ полномъ парадномъ мундирѣ, съ рапортомъ въ рукѣ встрѣтилъ свѣтлѣйшій государя. Царь милостиво обнялъ старика, а Кутузовъ зарыдалъ отъ волненія. Затѣмъ государь и свѣтлѣйшій оба, рука въ руку, поднялись по лѣстницѣ и вошли въ покои замка. Государь цѣлый часъ бесѣдовалъ съ главнокомандующимъ въ кабинетѣ, и когда свѣтлѣйшій выходилъ отъ государя, Толстой поднесъ ему на блюдѣ орденъ Георгія 1-й степени.

Въ день рожденія государя у Кутузова былъ обѣдъ и балъ. Государь почтилъ главнокомандующаго своимъ присутствіемъ. Когда императоръ входилъ въ залу, по распоряженію Кутузова, къ его ногамъ повергли отнятыя у непріятеля знамена.

Россія могла теперь вздохнуть свободно послѣ шестимѣсячнаго погрома, въ продолженіе котораго непріятели

жгли, терзали, разоряли нашу родину. Исполнилось царское слово: ни одинъ вооруженный непріятель не оставался на русской землѣ. Вражескія войска оставили нашу родину, и послѣдніе жалкіе остатки перешли русскую границу наканунѣ Рождества.

Въ самый день Рождества Христова былъ объявленъ манифестъ, гласившій объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества, и съ этихъ поръ наша церковь ежегодно празднуетъ въ день Рождества избавленіе Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ; совершается благодарственное молебствіе; по повелѣнію Императора Николая I въ молитвѣ, читаемой на молебнѣ, навсегда оставлены слѣдующія слова: „Благочестивѣйшаго же царя нашего Александра Павловича, вѣнчалъ еси оружіемъ благоволенія Твоего“, а затѣмъ возглашается вѣчная память Императору Александру I.

Всѣмъ нашимъ воинамъ, сражавшимся съ непріятелемъ были розданы серебряныя медали на голубой лентѣ. Съ одной стороны медали изображено всевидящее око и выбитъ 1812 годъ. Съ другой—выгравированы слѣдующія слова: „не намъ не намъ, но имени Твоему“.

Этими словами государь хотѣлъ сказать, что побѣду надъ непріятелемъ онъ приписываетъ помощи Божіей.

Чуднымъ величественнымъ памятникомъ этой тяжелой годины является храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Задуманъ онъ былъ Императоромъ Александромъ I; начата постройка при Императорѣ Николаѣ I; продолжалась все царствованіе Александра II; былъ оконченъ и освященъ храмъ въ царствованіе Александра III. Русскій человѣкъ, входя въ этотъ храмъ, на стѣнахъ котораго начертана вся отечественная война, съ гордостью вспоминаетъ, какъ велики были жертвы, принесенныя рус-

скимъ народомъ для спасенія независимости и благосостоянія отечества, на которое посягнулъ Наполеонъ.

Итакъ, Россія была освобождена отъ враговъ, но этого было недостаточно: нашъ государь хотѣлъ спасти и всю Европу отъ ига Наполеона. Императоръ Александръ сознавалъ, что Наполеонъ быстро возстановитъ свое военное могущество и твердо рѣшился не упускать момента для низложенія грознаго завоевателя.

13 декабря государь собралъ офицеровъ и, обращаясь къ нимъ сказалъ: „вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“; всѣ поняли, что война еще не окончена.

1-го января 1812 года русскія войска, сопровождаемыя государемъ, съ музыкой, при кликахъ „ура“, съ оружіемъ и знаменами перешли черезъ границу. По повелѣнію государя, Кутузовъ-Смоленскій издалъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ объявленіе, въ которомъ успокоивалъ жителей, говоря, что русскія войска вступили на ихъ землю не съ цѣлью завоеваній; онъ призывалъ именемъ Императора воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, соединиться съ русской арміей для преслѣдованія непріятеля. Король прусскій первый возсталъ на Наполеона и соединилъ свои войска съ русскими. Затѣмъ къ Россіи примкнула Австрія, Швеція, Англія, обязавшаяся помогать союзникамъ деньгами и снарядами. Союзныя войска состояли изъ 450 тысячъ человѣкъ и раздѣлялись на 3 арміи.

Наполеонъ выставилъ противъ союзниковъ 440 тысячъ, но генералы и войска Наполеона были уже не тѣ: ихъ угнетали тяжелыя воспоминанія о пораженіи въ Россіи и мысль, что имъ приходится бороться съ союзомъ великихъ державъ. Произошелъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ битвъ, и самою значительною изъ нихъ была Лейпцигская, названная „битвой народовъ“. Она продолжалась 3 дня,

съ 4 по 6-е октября. Наполеонъ потерпѣлъ страшное пораженіе, очистилъ Германію и ушелъ за Рейнъ.

За полгода до Лейпцигской битвы, 16-го апрѣля въ прусскомъ городкѣ Бунцлау умеръ Кутузовъ. Государь, желая утѣшить вдову Кутузова, удостоилъ ее слѣдующимъ рескриптомъ: „Судьбы Вышняго, которымъ никто смертный воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, опредѣлили супругу вашему, свѣтлѣйшему князю Михаилу Иларіоновичу Кутузову-Смоленскому, посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей переселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная не для однихъ васъ, но и для всего отечества потеря! Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я, и плачетъ вся Россія. Богъ, призвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его останутся безсмертными. Благодарное отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не перестанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; чужестранецъ же уважать землю, порождающую столь великихъ мужей“.

Когда русскія войска шли впередъ, бренные останки Кутузова, возвращались въ Россію. Съ прибытіемъ его тѣла въ родные предѣлы, народъ выходилъ на встрѣчу, выпрягалъ лошадей изъ погребальной колесницы и везъ ее на себѣ. То же самое произошло, когда тѣло прибыло въ Петербургъ. Народъ и сановники за 3 версты до заставы встрѣтили покойнаго, выпрягли лошадей изъ колесницы, довезли до Казанскаго собора, гдѣ и похоронили Кутузова, по повелѣнію государя. Для его религіозной души Казанскій соборъ всегда имѣлъ много значенія. Передъ своимъ отправленіемъ на войну Кутузовъ

горячо молился чудотворному образу Божіей Матери, прося Владычицу о помощи.

13-го іюня ровно черезъ годъ послѣ вступленія Наполеона въ Россію, совершилось погребеніе Кутузова. Надъ его могилой, находится большая стѣнная картина: „Чудо отъ иконы Казанской Богородицы въ Москвѣ“. Подъ картиною икона Смоленской Божіей Матери; по обѣимъ сторонамъ могилы свѣшиваются знамена, отбитыя у непріятеля:

«Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ».

На надгробной плитѣ начертано слѣдующее:

КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ
ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ
СМОЛЕНСКІЙ.

Родился въ 1747-мъ году
СКОНЧАЛСЯ ВЪ 1813-мъ
ВЪ ГОРОДѢ БУНЦЛАУ.

Недалеко отъ могилы Кутузова, на одной изъ колоннъ находится въ стеклянномъ футлярѣ жезлъ маршала Даву, отбитый въ числѣ трофеевъ при пораженіи предводительствуемой имъ арміи подъ Краснымъ.

Передъ Казанскимъ соборомъ возвышаются 2 памятника, воздвигнутые въ честь Кутузова и Барклая-де-Толли. Барклай указалъ вѣрный путь, какъ надо бороться съ непобѣдимымъ Наполеономъ, и мужественно вынесъ всѣ непріятности и обвиненія, выпавшія на его долю. Куту-

зовъ довелъ до конца его идею, спасъ Россію и, принявъ на свои старческія плечи тяжелое бремя, онъ, какъ Барклай, перенесъ много незаслуженныхъ обвиненій.

Союзныя войска, перейдя Рейнъ, вступили во Францію, и въ мартѣ 1814 г. стояли подъ стѣнами Парижа.

Французы, кичившіеся своею непобѣдимостью, никакъ не могли себѣ представить, что ихъ Парижъ, центръ просвѣщенія, веселья и вкуса, будетъ окруженъ непріятельскими войсками; что враги войдутъ въ его стѣны; что Парижъ когда-нибудь услышитъ громъ войны. Война приближалась; на Монмартрѣ гремѣли пушки, а парижане жили своею обычною жизнью, успокоенные бюллетенями, которые по старой привычкѣ трубили о побѣдахъ. Французское правительство говорило, что приближающаяся къ Парижу армія есть не что иное, какъ отбившаяся незначительная колонна, которую можно истребить въ одинъ мигъ.

Между тѣмъ 200 тысячъ союзныхъ войскъ приближались по всѣмъ дорогамъ къ Парижу; конница покрывала поля; 600 пушекъ гремѣли съ сосѣднихъ высотъ. 12 часовъ тянулся бой, и наконецъ Парижъ сдался. Наполеонъ въ это время находился въ долинѣ Сены. Онъ хотѣлъ зайти союзникамъ въ тылъ и не допустить наступленія на Парижъ; однако это не удалось Наполеону, 19 марта онъ узналъ о капитуляціи Парижа.

Союзныя войска торжественно вступили въ столицу Франціи подъ предводительствомъ русскаго царя. Парижане ожидали убійствъ, грабежей, пожаровъ, погромовъ, но никто изъ жителей не пострадалъ; ни одинъ камень Парижа не былъ сдвинутъ съ мѣста: сѣверный монархъ отомстилъ великодушіемъ за пожаръ и разрушеніе Москвы.

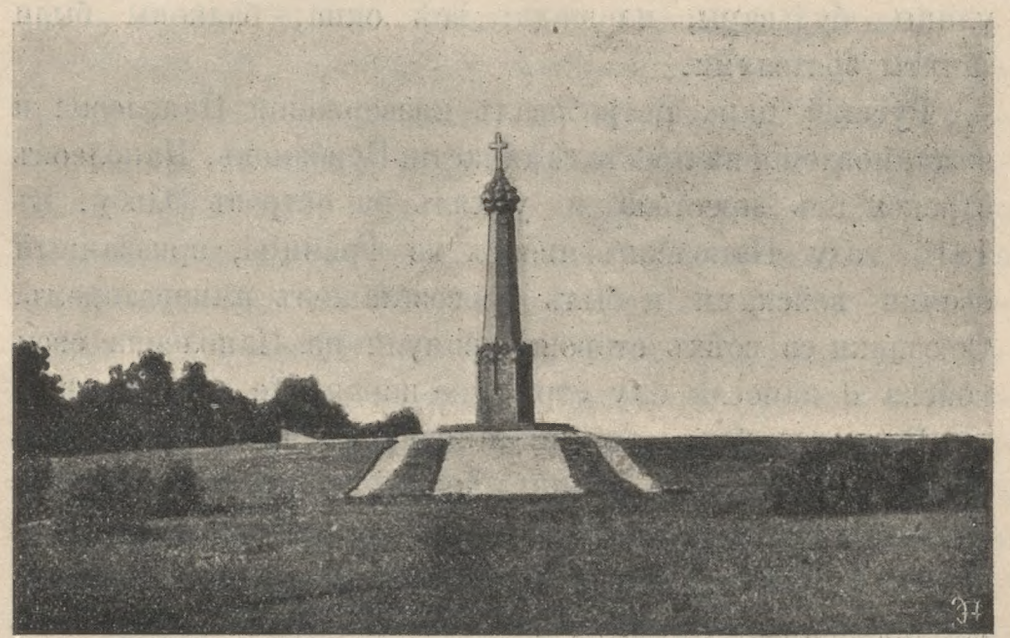
Зато съ какимъ восторгомъ встрѣчали французы русскія войска; женщины бросались къ ногамъ нашего государя, цѣловали его ноги, стремена, благодаря его за спасеніе ихъ жизней, жилищъ, ихъ дѣтей. На одной изъ площадей Парижа былъ отслуженъ русскими благодарственный молебенъ. Парижане стеклись отовсюду; заполнили улицы, бульвары, площади; всѣ окна, балконы были заняты зрителями.

Русскій царь потребовалъ низверженія Наполеона и возстановленія на престолѣ династіи Бурбоновъ. Наполеонъ отрекся отъ престола и уѣхалъ на островъ Эльбу. Въ 1815 году Наполеонъ явился во Францію, призванный своими войсками и былъ провозглашенъ императоромъ. Союзники со всѣхъ сторонъ двинули на Наполеона свои войска и нанесли ему страшное пораженіе при Ватерло.

Вторично былъ онъ низложенъ съ престола; хотѣлъ бѣжать въ Америку на англійскомъ суднѣ, но англичане объявили его своимъ плѣнникомъ и отправили на островъ святой Елены, гдѣ онъ и жилъ до самой смерти подъ строжайшимъ присмотромъ. Такъ печально, безславно окончилъ свои дни всесвѣтный завоеватель, геніальный полководецъ.

Союзники хотѣли жестоко наказать французовъ за призваніе Наполеона и его стодневное царствованіе; но русскій царь опять явился примиряющимъ геніемъ и защитникомъ Франціи. Блестящая побѣда Императора Александра надъ Наполеономъ, его низложеніе не возбуждали никакого раздраженія къ нему въ побѣжденныхъ французахъ; наоборотъ, русскій царь пользовался ихъ искреннею любовью и необычайнымъ уваженіемъ. Среди европейскихъ державъ, онъ явился представителемъ новаго могущества, доселѣ не встрѣчавшагося въ лѣтописяхъ міра—могущества, предписавшаго себѣ законъ: *не разрушать, но спасать и хранить*. Наполеонъ мечомъ покорилъ міръ, Александръ

завоевалъ своимъ великодушіемъ. Русскіе горячо любили своего царя; современники наименовали его Благословеннымъ. Вся Россія горько оплакивала смерть любимаго императора, скончавшагося 19-го марта 1825 года.



Памятникъ 1812 г. на Бородинскомъ полѣ сраженія.

Для составленія этого очерка авторъ пользовался слѣдующими книгами: 1) Русская исторія—Елпатьевскаго; 2) Русская исторія—профессора Платонова; 3) Энциклопедическій словарь — Брокгауза и Ефрона: 4) Война и миръ—Л. Толстого; 5) Письма русскаго офицера—Ѳ. Глинки; 6) Воспоминанія о 1812 годѣ — Вяземскаго; 7) Двѣнадцатый годъ — графа де Сегюра; 8) Отечественная война въ русской журналистикѣ—Военскаго; 9) Отечественная война и Кутузовъ — Желябужскаго; 10) Героическіе разсказы—Абаза и др.

БИБЛИОТЕКА
Владимирского Музея
ОТДЕЛ .....
№ .....
№ 13134 ИНВЕНТ.

Проверено 1952 г.

Лермонтовъ. Сочиненія въ 1 томѣ. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., въ бумажкѣ 1 р.

— Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 11 картинками и съ портретомъ Лермонтова. Изд. 4-е, Спб. 1885. Ц. 5 к.

Загоскинъ Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1903. Ц. 45 к.

Жуковскій. Стихотворенія въ стихахъ и прозѣ. Въ одномъ томѣ. Изд. 10-е, испр. и дополн. подъ ред. П. А. Ефремова. Съ прилож. 4-хъ портретовъ Жуковскаго. Спб. 1901. Ц. 2 р. 25 к.

— Одиссея Гомера. Переводъ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

— Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть, заимствованная изъ царственной книги Ирана (Шахъ-Намé). Вольное подраженіе Рюккерту. Спб. 1899. Ц. 40 к.

— Ундина. Старинная повѣсть, изъ Ламмотъ-Фуке. Спб. 1900. Ц. 35 к.

— Странствующій жидъ. (Агасверъ), поэма Изд. 3. Спб. 1907. Ц. 20 к.

— Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Сказка о спящей царевнѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.

— Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Изд. 5. Спб. 1906. Ц. 15 к.

— Сказка о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго, и о премудрости Маріи Царевны, Кощеевой дочери. Изд. 6. Спб. 1900. Ц. 10 к.

— Война мышей и лягушекъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Камоэнсъ. Драматическая поэма. Спб. 1902. Ц. 7 к.

— Разрушеніе Трои. Спб. 1902. Ц. 10 к.

— Капитанъ Боппъ. Маттео Фальконе. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Судъ въ подземельѣ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Пери и Ангелъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Шильонскій узникъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ 2-хъ балладахъ. Спб. 1902. Ц. 10 к.

— В. А. Біографическій очеркъ. П. Смирновскаго. Спб. 1902. Ц. 10 к.

— Народный гимнъ. Патріотическія пѣсни. Святая Русь. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Баллада о старушкѣ. Варвикъ. Судъ Божій надъ епископомъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Орлеанская дѣва, Шиллера, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ съ примѣчаніями Максимова. Спб. 1902. Ц. 30 к.

— Ахиллъ. Кассандра. Торжество побѣдителей. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Поликратовъ перстень. Жалоба Цереры. Элевзинскій праздникъ. Ивиковы журавли. Спб. 1902. Ц. 5 к.

— Роландъ оруженосецъ. Плаваніе Карла Великаго. Рыцарь Роллонъ. Спб. 1903. Ц. 5 к.

— Сидъ. Спб. 1903. Ц. 5 к.

— Двѣ были и еще одна. Спб. 1903. Ц. 5 к.

— Лѣсной царь. Кубокъ. Перчатка. Графъ Габсбургскій. Спб. 1903. Ц. 5 к.

— Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича. (1818 г.). Спб. 1903. Ц. 5 к.

Колокольникова. Портретная галлерея. I. Независимая. — II. Врагъ Петра Владимировича.—III. Марьина Ванька.—IV. Далекое дѣтство. Спб. 1911. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 15 к.

— Яша. Разсказъ. Изд. 2. Спб. 1907. Ц. 15.

— Нилъ. Разсказъ. Спб. 1907. Ц. 15.

— Бабушка. (Изъ семейной хроники) Спб. 1908. Ц. 15 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
И. ГЛАЗУНОВА.

Сущ. съ 1782 г.

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Казанскаго моста, № 27.

Магазинъ снабженъ большимъ запасомъ книгъ по всѣмъ отраслямъ литературы. Отдѣлы его постоянно пополняются вновь выходящими изданіями. Требованія какъ гг. иногородныхъ, такъ и городскихъ покупателей исполняются въ возможно короткій срокъ.

Книги собираются немедленно по полученіи заказа и тотчасъ же доставляются на домъ (въ чертѣ города) и высылаются (въ другіе города); если и можетъ произойти нѣкоторое промедленіе, то только тогда, когда требуемыя изданія приходится выписывать изъ другихъ городовъ, за неотысканіемъ ихъ въ С.-Петербургѣ.

Книги высылаются при полученіи наличныхъ денегъ, а также и наложеннымъ платежомъ: во избѣжаніе недоразумѣній магазинъ покорнѣйше проситъ точнѣе выписывать заглавія книгъ, адресъ требователя, а также означать какимъ способомъ желательна пересылка: желѣзною дорогою, по почтѣ или черезъ транспортную контору.

Въ чертѣ города, по требованію, всѣ изданія доставляются и на домъ.

Всевозможныя типографскія работы исполняются въ собственной типографіи (Казанская, 8), а также, по образцамъ, имѣющимся въ магазинѣ, дѣлаются переплеты для книгъ въ переплетной (Зиминъ пер., 1). Заказы на эти работы принимаются какъ въ самой типографіи и переплетной, такъ и въ книжномъ магазинѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВСѢ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Телефонъ № 1061.